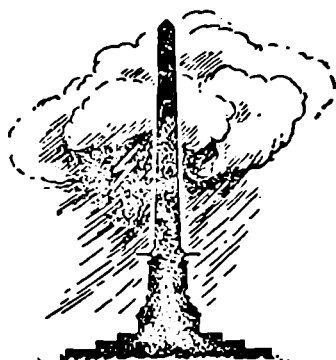


ვერსალის ბუბუხვილი



ილია ჭავჭავაძის გვლელობა

საგანმედიო მასალები



ს ა ნ ლ ბ ა მ ი

თ ბ ი ლ ი ს ი

1 9 3 8



წიხასიტყვა

ცენტრალურ საარქივო სამმართველოს მთავარი საისტორიო არქივის განსაკუთრებული მნიშვნელობის საქმეთა ფონდში დაცულია თბილისის საოლქო სასამართლოს საქმე „Судебного следователя по наиболее важным делам“; იგი შესდგება ორი ტომისაგან და სახელდება ასე: „Об убийстве члена государственного совета кн. И. Г. Чавчавадзе“. ილია ჭავჭავაძის მკვლელობის საქმეთა ფონდს მიეკუთვნება კიდევ 5 „საქმე“ თბილისის ოლქის პროკურორის კანცელარიისა, რომელიც დაცულია საისტორიო-რევოლუციურ არქივში (ფონდი № 36).

ილია ჭავჭავაძის შესახებ სასამართლო გამოძიებათა და სხვა სახით დაგროვილ მასალათა მნიშვნელოვანი ნაწილი საესებით დაცარგულია. ერთი ან იქნებ რამდენიმე ტომი ი. ჭავჭავაძის მკვლელობის საქმისა ვილაცას არქივთსაცავიდან გაუტანია იმ მიზნით რათა გაენადგურებია. ამ გატანილ მასალათა ერთი ნაწილი, შემდეგ, კირკის ქუჩაზე საყსბოში უპოვნიათ, ხორცის შესახვევად და პარკებად გაკეთებული. მოქ. აღ. მიქელაძეს უცვნია რა იმ „მაკულატურის“ რაობა, შეუსყიდია ეს აბნეული ქაღალდები, აუკინძია და 1928 წ. კვლავ გადაუცია ჩვენი არქივთსაცავისათვის, სადაც (საისტორიო-რევოლუციურ არქივში) დღემდე არ იყო ცნობაში მოყვანილი და სათანადო საინვენტარო დავთარში ჩაწერილი ილია ჭავჭავაძის მკვლელობის შესახებ აქამდე მოღწეულია 5 „საქმე“.

ჩვენ მიერ ზემოდ დასახელებულ 7 საქმეში (2 მთავარი საისტორიო არქივის განსაკუთრებული მნიშვნელობის საქმეთა ფონდიდან, ხოლო 5 საისტორიო-რევოლუციური არქივის 36 ფონდიდან) თავმოყრილია დიდი უმრავლესობა იმ დოკუმენტებისა, რომლებიც წარმოიშვნენ ჯერ ილიას მოურავის მოსე მემარნიშვილის (1907 წლის 7 ივნისიდან), ხოლო მერე ილია ჭავჭავაძის მკვლელობის გარშემო წარმოებული სასამართლო და სხვა გამოძიების პროცესში.

ილია ჭავჭავაძის მუხანათური მკვლელობის გარშემო დაგროვილ დოკუმენტებს თვითმპყრობელობა ცხრაკლიტულში ინახავდა, რათა იგი ხელმეფუნდომელი ყოფილიყო ხალხისათვის. მხო-

ლოდ საბჭოთა ხელისუფლებამ გახადა შესაძლებელი მკვლევარის ხელი შეხებოდა ამ მასალებს და მათი გამომზეურების სახით საყოველთაოდ, ფართო მასებისათვის, საცნაური გაეხადა ილია ჭავჭავაძის მკვლელობის ნამდვილი შინაარსი. თვითმპყრობელობის პირობებში ამ მასალებისათვის ხელმოუწვდომლობა პოხიერ ნიადაგს ჰქმნიდა იმისათვის, რათა რეაქციას და მის დამქაშებს შეეთხზათ და გაეერცვლებიათ საზიზლარი ლეგენდები, ინსინუაციური ამბები. ქვემოდ გამოქვეყნებული დოკუმენტები კი მთლიანად აშიშვლებენ თვითმპყრობელობის „ობრანკის“ მიერ მოწყობილი ილია ჭავჭავაძის პროვოკაციული მკვლელობის მთელ საზიზლორებს.

* * *

ილია ჭავჭავაძის მკვლელობის შესახებ საგამომძიებლო დოკუმენტები, რომლებიც ჩვენ შევარჩიეთ ზემოხსენებული საქმეებიდან, ქვემოდ გამოქვეყნებულია თანახმად უახლოესი არქეოგრაფიული წესებისა. ყველგან დატოვებულია დოკუმენტის მართლწერა და სტილი; ორთოგრაფია კი ახალია. იმ ადგილებში, სადაც დაზიანების გამო დოკუმენტი არ იკითხებოდა, ჩვენ კუთხურ ფრჩხილებში ჩავსვით შესაბამი სიტყვა ან ფრაზა, რომელიც ჩვენის ვარაუდით უნდა ყოფილიყო დედანში. კუთხურ ფრჩხილებშია [] აგრეთვე ჩასმული ჩვენ მიერ, მხოლოდ გამონაკლის შემთხვევებში, შეტანილი სასვენი ნიშნები და დოკუმენტის წერითი ლიაპუსების სახით დაშვებულ შეცდომათა შესწორებანი. დოკუმენტები იბეჭდება შტამპებისა და ხელმოწერათა (გარდა ზოგიერთი გამონაკლისისა) გარეშე. ეს ცნობები გამოყენებულია ყოველ ცალკე საბუთებისათვის გაკეთებულ სათაურში. ყოველ დოკუმენტს აქვს თავისი ლეგენდა (არქეოგრაფიული ისტორია). დოკუმენტები დაბეჭდილია მათი წარმოშობის ქრონოლოგიური თანამიმდევრობის დაცვით და ასეთივე თანამიმდევრობით არის დანუმრილი.

ზემოხსენებული საქმეებიდან ჩვენ გამოვტოვეთ მთელი რიგი მოწერები, ოქმები, დაკითხვები, მოხსენებები, რომლებიც ახალს არაფერს იძლევიან საკითხის გარშემო, არამედ წარმოადგენენ მხოლოდ სხვა სიტყვებით გადმოცემულ განმეორებას, ჩვენ მიერ გამოქვეყნებული პირველადი წყაროების შინაარსისა და აზრებისა; ან-და შეეხებიან ისეთ მოვლენებს, რომლებიც სასამართლო გამოძიების პროცესის გარკვეულ სტადიაში, სათანადო ორგანოების მიერ, მიჩნეული იყო (ეჭვით, ვარაუდით) ილია ჭავჭავაძის მკვლელობის საქმესთან რაიმე კავშირში, მაგრამ კვლევადიებით დადასტურდა,

რომ მოცემულ საკითხთან არაერთარ ლოგიკურ და ისტორიულ კავშირში არ ყოფილან ასეთი დოკუმენტები, რამდენადაც ისინი პროცესის ზოგიერთ მნიშვნელოვან დეტალებს მაინც გადმოგვცემენ, გამოყენებული მაქვს ქვემოთ დართულ ნარკვევში—„ილია ჭავჭავაძის მკვლელობა“—სადაც მოცემულია ზოგადი მიმოხილვა მკვლელობის გარშემო არსებული საარქივო დოკუმენტებისა.

პ. გუგუშვილი

ტექსტუალური მითითებული შემოკლებათა სია

ЦАУГ—Центральное Архивное Управление ГССР.

ГИА—Главный Исторический Архив.

ИРА—Историко-Революционный Архив.

ОВД—Фонд Особо важных дел.

ფ.—ფონდ.

დ. —дело.

ლ.—лист.

ილია ჭავჭავაძის მკვლელობა

ამ ნარკვევის მიზანია მოკლე მიმოხილვა გაუქეთოს ილია ჭავჭავაძის მკვლელობის შესახებ ქვემოთ გამოქვეყნებულ საგამომძიებლო კვლევა-ძიების პროცესში დაგროვილ და წარმოშობილ დოკუმენტებს. მაგრამ ჩვენ გამოყენებული გვაქვს საგამომძიებლო საქმეებიდან ისეთი მასალაც, რომელიც იმდენ ღირებულებას არ წარმოადგენდა, რომ მთლიანი დოკუმენტის სახით დაგვებეჭდა, გამოგვექვეყნებია, თუმცა ამასთანავე პროცესის ზოგიერთ დეტალებს გადმოგვცემს.

* * *

1907 წ. 30 აგვისტოს დილას თბილისიდან საგურამოს მიემგზავრება ილია ჭავჭავაძე თავისი მეუღლე ოლღათი; თან ახლავთ ლაქია იაკობ ბითარაშვილი, ეტლი მიყავს თედო ლაბაურს. წიწამურისა და საგურამოს გზაზე, საგურამოდან დაახლოვებით 4 ვერსტის დაშორებით, მათ თავს დაესხნენ. მოკლეს ილია და მისი ერთგული ლაქია იაკობი, მძიმედ იქნა დაშავებული (ათიოდე ძვლებამდე დასული ქრილობით თავში, სახეზე და სხ.) ილიას მეუღლე, რომელიც მოგლეჩის ადგილას პირველად გამოცხადებულთ უგრძნობელ მდგომარეობაში იპოვნეს. მკვლელებმა გასძარცვეს ყველა, გარდა შეეტლეს თედო ლაბაურისა, რომელიც მისივე ჩვენებით, ზურგზე კონდაბის დარტყმით ეტლის კოფოდან გადააგდეს.

უდაოდ დიდი მნიშვნელობისაა ის გარემოება, რომ სწორედ ამავე დღეს და დაახლოვებით მკვლელობის დროს, გაქურდეს ილიას ბინა თბილისში (ანდრეევის ქ. 22), საიდანაც წაიღეს საოჯახო ნივთები და მრავალი სხვადასხვა საქმის ქაღალდები, მიმოწერანი, საბუთები.

31 აგვისტოს თბილისის საოლქო სასამართლოს პროკურორმა საქმის გამოძიება დაავალა განსაკუთრებული მნიშვნელობის საქმეთა გამომძიებელ ნ. ფ. ილიაშენკოს; ძიებაში იმთავითვე ჩაბმულ

იქნენ აგრეთვე უშუალოდ ღუშეთის მაზრის უფროსი ყარამან ფაღავე, ამავე მაზრის გამომძიებელი, მცხეთის და სართიქალის პრისტავეები გრიციუნასი და გედევანოვი, თბილისის პოლიცემისტრის სამძებრო განყოფილების გამგე ევტუშევსკი და სხვ.

ილია ქავჭავაძის გვამი განკვეთა ღუშეთის მაზრის ექიმ იაშვილმა, რომელმაც დაადგინა: 1. მკერდზე მარჯვენა ძუძუსთან შიგნით მოხვედრილი ტყვია გასულა უკან მარცხენა ხელის ილიასთან. ამ ტყვიას დაუფლეთია გული და მარცხენა ფილტვი; 2. შუბლზე ოვალური ფორმის ჭრილობა ძვლამდე, სიღრმით 4 სანტ., აქ ძვალი გამტვრეულია $1\frac{1}{2}$ —ვერშოკზე; 3. მარჯვენა წარბზედაც ასეთივე ჭრილობა. პირველი ორი ჭრილობა სასიკვდილოა, მესამე არა. ექიმის დასკვნით ილიას გული და ფილტვები ისედაც დაზიანებული ყოფილა ავადმყოფობით და ეს დაზიანებანი ექ. იაშვილს იმდენად სერიოზულად მიაჩნია, რომ აწი „ისედაც არ დარჩენია დიდი დრო სიცოცხლისა სამოცდაათწლიანი მცხოვან პოეტს. მისი ავადმყოფი გული განგმირულია მტრის ტყვიით. მისი (გულის) ცემა იქნებ გაგრძელებულიყო კიდევ რამდენიმე თვე, ან და წელიწადი“.

* * *

ახლა ვნახოთ, თუ როგორ წარმართა თვითმპყრობელობამ ილიას მკვლელობის გამოძიება; ის ფაქტიურად დაიწყო 31 აგვისტოს. პირველ სამ დღეში დაკითხეს ზაალ ნ. ქავჭავაძეს, ღუშეთის ურიალნიკ ვასილ ემეცს, სტრაჟნიკ ა. მუსულბეკს, დიმიტრი ჯაშს (ილიას მოურავს),—ესენი პირველნი გამოცხადდნენ მკვლელობის ადგილას,—მცხეთის პრისტავ გრიციუნასს და თედო ლაბაურს—ერთადერთ ცნობილ მაყურებელს თავდასხმისა და მკვლელობისა. თედო ლაბაურმა (მეეტლემ) რომლისადმი იმთავითვე იქნა ექვი მიტანილი, აჩვენა: მათ თავს დაესხა 4 კაცი ოფიცრების ფორმაში. გარეგნულად ჰგავდნენ სომხებს; შეიარაღებული იყვნენ თოფებითა და რევოლვერებით. ლაპარაკობდნენ რუსულად, როგორც კი დამიყვირეს „Стой!“ ილიამ მხოლოდ ორი სიტყვა შესძახა: „გარეკე ჩქარა“. მაგრამ რადგან გზა ცუდი იყო და ცხენებიც დაღლილი, თავდამსხმელებმა მოასწრეს ეტლზე შემოხტომა... მეეტლემ ვერავინ იცნო.

მესამე დღეს თედო ლაბაური უკვე დააპატიმრეს, როგორც მკვლელობაში მონაწილეობის ეჭვდებული. ამ ეჭვს მოწმეთა გარდა

აძლიერებდა ის ფაქტიც, რომ ლაბაურს ზურგზე არ აღმოაჩნდა ნიშანი კონდახის დარტყმისა, რამაც ვითომც იგი ჩამოაგდო. კოფოდან. გარდა ამისა ილიას ქვრივი ირწმუნებოდა, რომ მკვლელები ლაპარაკობდნენ ქართულად.

მალე საქმეს ახალი შუქი ეფინება ყ. ფაღავას კვლევა-ძიების მეოხებით. მან საგურამოში 4—8 სექტემბერს უკვე მოიპოვა საიდუმლო გზით ცნობა, რომ მკვლელობაში მონაწილეობდა გიგოლი მოძღვრიშვილი (რომელიც ექვდებულია აგრეთვე ილიას მოურავ მოსეს და უკანასკნელის ცოლის მოკვლაში), პავლე ფშავლიშვილი (იგივე აფციური) და კიდევ ორი უცნობი. შემდგომი ძიებით დადგენილ იქნა ფრიად საინტერესო მომენტები, რომლებიც წინ უსწრებდნენ მკვლელობას.

1. მკვლელობამდე 5 დღის წინედ, ვახშმოძისას, ილიასთან ამოვიდა ლაქია იაკობი და მოახსენა: მსახურები გ. მოძღვრიშვილისა და თ. ლაბაურის მეთაურობით უარს აცხადებენ ვახშამზე, როგორც უფარგისზეო. ილიას ბრძანებით მოურავემა (ჯაშმა) ამოიტანა საკმელი, რომელიც თვით ილიამ გასინჯა და კარგი აღმოჩნდა... მომხდარ გარემოებამ ილიაზე ცუდი შთაბეჭდილება მოახდინა და მოურავს უბრძანა: გაენთავისუფლებია ყველა, ვისაც არ სურდა ვახშმოება; მაგრამ სტუმრების (ზ. ჭავჭავაძის, არტურ ლაისტის), მერე მოურავის და ბოლოს თვით მსახურთა თხოვნით,—რომელთაც აღნიშნეს რომ მზარეული მათ ცუდად კვებაეს—ილიამ ისინი დასტოვა.

2. ილიას საგურამოდან თბილისში გამგზავრებისთანავე (27 აგვისტოს) გ. მოძღვრიშვილმა ჯაშს სთხოვა ერთი დღით შეეზულება, იმ საბაბით, რომ მისი ძმისთვის საცოლეს დანიშნას დასწრებოდა; მან თან წაიღო 2 პირიანი სანადირო თოფი (რომლითაც უნდა იყოს მოკლული იაკობა ბითარაშვილი). გ. მოძღვრიშვილი დაბრუნდა არა ერთი, არამედ სამი დღის მერე, 30 აგვისტოს, ილიას მოკვლის დღეს, საღამოს. ამასთანავე გამოირკვა, რომ სინამდვილეში მის ძმას არავითარი დანიშვნა არა ჰქონია. დაკითხვისას გიგოლა მოძღვრიშვილმა წინააღმდეგობათა შემცველი ჩვენება მისცა.

3. ილიას მოკვლის გეგმა შედგენილ იქნა მისსავე სახლში, როგორც საფიქრებელია დ. ჯაშის ხელმძღვანელობით. ჯაშისადმი ექვი აქვთ ილიას ახლობელ ნათესავებსაც. მკვლელობაში მონაწილეობდნენ თ. ლაბაური, გ. მოძღვრიშვილი, პ. ფშავლიშვილი და 2 უცნობი. ლაბაური და მოძღვრიშვილი ნათესავებია,

ერთი სოფლიდან. პირველსავე კვირაში ორივე უკანასკნელი დააპატიმრეს.

4. გარდა ამისა ბანდიტებმა შესძლეს მოსახლეობის დაფრთხობა; ასე რომ არაერთ ბედებს აშკარა და საჭვეყნო ჩვენების მიცემას მკვლელობის შესახებო, აცხადებს ყ. ფ ა ლ ა ვ ა .

12 სექტემბერს ყ. ფალავა ატყობინებს ილიაშენკოს, რომ ხელთ იგდო მოძღვრიშვილის პატრონტაში და თოფი, რომელსაც სხვადასხვა ადგილას სისხლის ნიშნები ატყვია. 13 სექტემბერს დაპატიმრებულ იქნა დიმიტრი ჯაში. დაიწყო დ. ჯაშის ვინაობის დადგენა. გაზ. „Тифлисский Листок“-ის რედაქტორ ხაჩატუროვმა აჩვენა, რომ დ. ჯაში მუშაობდა ამ გაზეთის ამწყობად 1907 წ. თებერვლიდან 2 თვე; „მოკლე ხნიანი სამსახურის განმელობაში, მან ისე დაიმსახურა, რომ მე ყველა საფუძველი მაქვს ჩავთვალო იგი პირდაპირ ანარქისტად. იგი ტერორის ქვეშ აყენებდა მუშებს; სთესდა ჯანყს და მოაწყო ჩემთან გაფიცვა“. ამის მერე ძლივს მოვიშორე თავიდან, მაგრამ მან მაინც მოასწრო რედაქციის მმართველისათვის ფულის გამოტყუება. ასეთივე საქმე გააკეთა ჯაშმა „გუტენბერგში“ (სტამბა), სადაც მუშაობდა ერთ დროს. იგი რალაც ბნელ როლს თამაშობდა ბანკის ბალის უკვე მოკლულ მეიჯარე სხირტლაძესთანაც (სასამართლოს ქ.).

ოღღა კავკავაძის ნორმალური დაკითხვა მოხერხდა მხოლოდ 18 სექტემბერს, მაგრამ მას რაიმე მნიშვნელოვანი დეტალის მოგონება არ შეეძლო. მხოლოდ დაწვრილებით დაასახელა მკვლელთა მიერ გატაცებული ნივთები, რასაც სამძებრო პოლიციისათვის დიდი სამსახურის გაწევა შეეძლო.

* * *

ილია კავკავაძის მკვლელობაში განსაკუთრებული ინტერესის შემცველია მისივე მოურავ დიმიტრი ჯაშის როლი. ვინ იყო დ. ჯაში? აი რას მოგვითხრობენ მის შესახებ თვით საგამომძიებლო მასალები:

ილიას მოურავად დ. ჯაში შეიქმნა 1907 წლის ივნისის ბოლოს, ილიას დის ელისაბედ საგინაშვილის რეკომენდაციით. თვით ილიას იმთავითვე არ მოსწონდა ჯაში და უკვე ივლისში იგი თავის მეუღლეს სწერდა: „დ. ჯაში აღმოჩნდა მატყუარა და არაკეთილსინდისიერიო“, რის გამოც ილიას ივლისშივე დაუწყო ახალი მოურავის ძებნა.

დ. ჯაში წინედ მუშაობდა ასოთამწყობად „ივერიაში“, როცა ის ილიას ეკუთვნოდა. მერე მუშაობდა სხვა რედაქციებში. როგორც მის მეუღლე დარია ჯაშმა აჩვენა, დიმიტრი ჯაში თვითონაც სწერდა გაზეთებში. ილიას დას ჯაში გაეცნო 5 თვის წინად, როდესაც ილიას წინანდელი მოურავი მოსე მემარნიშვილი კიდევ ცოცხალი იყო (მოკლეს იენისის პირველ რიცხვებში). ჯაშის შესახებ საგინაშვილისას კარგი დახასიათება მისცა ქალაქის მმართველობის მდივან ქრელაშვილმა. თვით ილიას ჯაშზე მიუთითა აგრეთვე მეგობარ ჩიკვაიძემ, რომელსაც ისევ კრელაშვილმა უქო იგი. ჯაში ხშირად ცხადდებოდა საგინაშვილებთან და ლეზულობდა წვრილ-წვრილ ფულად დახმარებას, როგორც უმწეო და წვრილ ცოლშვილიანი ადამიანი. დიდი ყურადღებით უნდა იქნეს განხილული ის გარემოებაც, რომ სანამ საგურამოში მოურავად მოაწყობდნენ იყო ცდა რათა ჯაში დაენიშნათ ილიასთანავე სათავადაზნაურო ბანკში.

ეცტუშევსკის მიერ დაკითხვის დროს დ. ჯაშმა თვითონ განაცხადა, რომ სამჯერ იყო დაპატიმრებული. გარდა ამისა აღსანიშნავია მისი შემდეგი განცხადება: „მკვლელობა მოხდა აგრარულ ნიადაგზე, რადგან ილია მკაცრად ეპყრობოდა გლეხებსო“. მან, ჯაშმა, როგორც კი მოურავად დაუდგა ილიას, მიიღო წერილობითი გაფრთხილება, რომ დასტოვოს ილიას მამული, თორემ იგივე დამართება, რაც წინანდელ მოურავს მოუვიდა. ჯაშმა ეს წერილი უჩვენა ილიას, რომელმაც დააიმედა: არაფერია, მაგისტანეები მეც ბევრი მომდის, მაგრამ ყურადღებასაც არ ვაქცევო.

ჯაშის მეუღლემ დაკითხვისას აჩვენა: როდესაც მოურავად დანიშნულ ქმარმა იგი საგურამოში ჩაიყვანა, აქ მას ილიას შინამოსამსახურე პელაგია მკურნალიძემ უამბო, რომ უკანასკნელს ილიასთან სამსახურს არ ურჩევდნენ: სულ ერთია ილიას მალე მოკლავნო. ილიას მოკვლის შესაძლებლობის შესახებ წინასწარ ლაპარაკობდნენ აგრეთვე მხარეული ხარიტონ შიოშვილი და შინამოსამსახურე სოფიოც. ამის მერე დარია ჯაში აცხადებს: „მე კი ქმარი მიმტკიცებდა რომ ეს არ მოხდება, რადგან ილია დამსახურებული კაციო“. საერთოდ თავის ჩვენებაში დარია ჯაში, როგორც მოწმე, ცდილობს შექმნას შთაბეჭდილება, რომ საგურამოში ილიას მოკვლის შესაძლებლობის შესახებ ამბავი გავრცელებული იყო მისი ქმრის მოურავად დანიშნამდე.

ამ ჩვენების მერე დაპატიმრებულ პელაგიამ და ხარიტონმა დაკითხვისას განაცხადეს, რომ მათ არასოდეს არაფერი გაუგონიათ ილიას მოკვლის შესაძლებლობის შესახებ და თვითონაც არასოდეს

და არავისთან არა უთქვამთ რა ამის შესახებ. ჯაშის მიმართ ექვეები უფრო იზრდებოდა.

მკვლელობიდან თუთხმეტიოდღე დღის გასვლამდე ცალკე ფალავამ და ცალკე ექტუშეესკიმ, საიდუმლო აგენტების მეოხებით კიდეე დაადგინეს:

1. რომ მკვლელობაში გარდა ლაბაურისა, ფშავლიშვილისა და მოძღვრიშვილისა წილი უდევთ სოლკა შერმადინს, გიგოლა ბერბიკაშვილს და ვანო (ივანე) ინაშვილს, საგურამოს ყოფილ მამასახლისის „რომელიც წინათაც განსაკუთრებით აქეზებდა გლეხებს ილიას წინააღმდეგ“ და ანდრო კახაბერიშვილს, რომელმაც მკვლელთ ათხოვა „ბერდანკა“.

2. მკვლელობას ხელმძღვანელობდნენ დ. ჯაში და ასათიანი; მათ ფშავლიშვილი და შერმადინი წინასწარ გაგზავნეს თბილისს, რათა გაეგოთ, თუ როდის დაბრუნდება ილია, რომ გზაზე ჩასაფრებოდნენ.

3. მკვლელობამდე 1 თვით ადრე ილიას მებაღე ბესო გოგავამ შერმადინს ღორი მოუკლა; როცა უკანასკნელმა იჩივლა, ილიამ კიდეე წააქეზა მებაღე: მოკალ, თუ გლეხებმა ღორი ან სხვა პირუტყვი ბაღში შემოუშვანო. უკან გაბრუნებულ შერმადინმა დაიმუქრა: „კაცი არ ვიქნები, თუ მალე ღორის ადგილას ეგ თავადი არ გავაგოროო“;

4. ამას გარდა, მკვლელობის დღეს — დილით დ. ჯაში საგურამოს გზაზე შეხვდა თბილისიდან წამოსულ 4 კაცს;

5. ამავე დილას თბილისიდან გამოვიდნენ პ. აფციაური (ფშავლიშვილი) და ს. შერმადინი.

საკითხი ისმება დ. ჯაშის დაპატიმრების შესახებ. 6 სექტემბერს თბილისის გენ.-გუბერნატორი ტიმოფეევი დაშიფრულ დეპეშას უგზავნის დუშეთის მაზრის უფროს ყ. ფალავას: „დაუყოვნებლივ დააპატიმრეთ დ. ჯაში“. მის შემდეგ ჯაში მალე დააპატიმრეს და დუშეთის ციხეში ჩასვეს, საიდანაც შერმადინთან, მოძღვრიშვილთან და ასათიანთან ერთად 28 სექტემბერს გადაიყვანეს მეტეხის ციხეში.

* * *

ს. შერმადინი, გ. მოძღვრიშვილი, ლ. ასათიანი და დ. ჯაში დაპატიმრებულია. დანარჩენი ექვდებულნი — გ. ბერბიკაშვილი, პ. ფშავლიშვილი და ვ. ინაშვილი — მიიმალნენ. ძიება ძირითადადში, შეიძლება ითქვას, მართებულად მიმდინარეობს. მაგრამ, უჩინარმა ძლიერმა ხელმა საკმე შეატრიალა: ექტუშეესკი ოზურგეთში გადა-

ისროლა, სადაც მან მკვლელობის ცენტრი უნდა აღმოაჩინოს; და „აღმოაჩინა“ კიდევ: ექვი აღებულია ს. ბაზვის მცხ. ერ. დოლიძეზე, რომლის ბინის გაჩხრეკამ ევტუშევსკის საბაბი მისცა ამ მიმართულებით ძიების გაღრმავების აუცილებლობისა. საკუთარ ჩემოდანში აღმოჩენილ წერილმა ერ. დოლიძე დააქავეშირა ვიქტ. ავალიანთან—თბილისში სასტუმროსა და რესტორანის მეიჯარესთან, ქურდ-რეციდივისტთა უსტაბაშთან.

იმ დროს, როდესაც ევტუშევსკი გურიაში საიდუმლო ხლართებს აბაშს ყ. ფალავა დუშეთისა და თბილისის მაზრებს არ შორდება. მის მიერ ახლად დაგროვილი ცნობები სულ უფრო ააშკარაებენ დ. ჯაშის ვერაგულ როლს და საერთოდ ზღუდავენ რკალს ნამდვილ ბოროტმოქმედებათა გარშემო. გაჩხრეკილ იქნა ჯაშისა და მისი ნათესავების ბინა, სადაც აღმოაჩინეს ილიას ტანისამოსი და სხვადასხვა საოჯახო ნივთები, რომლებიც ილიას მოკვლის შემდეგ გაუტანია ჯაშის ცოლს დარიას. ფალავას მიერ დაგროვილი მამხილებელი ცნობების საფუძველზე 3 ნოემბერს ილიაშენკომ კვლავ დაკითხა თედო ლაბაური, რომელმაც ახლა უკვე აღიარა, რომ ილია მოჰკლა: გ. ბერბიჭაშვილმა, გ. მოძღვრიშვილმა, ა. ფშაველიშვილმა, და ვ. ინაშვილმა. თ. ლაბაური აქამდე იმიტომ სდუმდა, და აბნეულ ცნობებს იძლეოდა, რომ მას მოკვლით და ოჯახის გადაწვით დაემუქრნენ თუ ბოროტმოქმედთ გააცხადებდა.

* * *

ამგვარად რკალი კიდევ უფრო იზღუდება. მაგრამ კიდევ აშკარადდება უჩინარი ხელის სიძლიერე: ყ. ფალავა, რომელიც გულმოდგინედ მოეკიდა საქმეს, ჯერ ჩამოქვეითებული, ხოლო მერე სავსებით განთავისუფლებული იქნა დუშეთის მაზრის უფროსის თანაშემწის თანამდებობიდან. კიდევ ერთი ბურუსით მოცული ტრიუკი და ძირითადად სწორედ დაწყებული ძიების გზაკვალი სავსებით აბნეულია.

უწინარეს ყოვლისა საინტერესოა დ. ჯაშის ისტორია. დუშეთიდან მეტეხის ციხეში გადმოყვანილ მას მეტად მოეფონა. აქადმინისტრაციასთან და სასამართლო ორგანოების თანამშრომლებთან იგი მეტისმეტ სითამამეს და „თავის-კაცობას“ ააშკარაებს. თითქმის ყოველ კვირა თხოვნებს უგზავნის ხან გუბერნატორს, ხან საოლქო სასამართლოს პროკურორს, ხანაც თბილისის პოლიცემისტერსა და გამომძიებელს. ამათში ყველაზე მეტ ყურადღებას იპყრობს მისი უკანასკნელი თხოვნა, რომელიც 2 დეკემბერს 1907 წ. გადასცა

მან თვით გენ.-გუბერნატორს. აქ დ. ჯაშის გაკვირვებას და აღ-
შფოთებას გამოსთქვამს, რომ „აგერ უკვე მალე სამა თვე სრულდე-
ბა“, რომ იგი პატიმარია და აქამდე მის შესახებ „არ არის არავი-
თარი დადგენილება, არც გუბერნატორისა და არც სასამართლო
ხელისუფლებისა“. დ. ჯაში ამასთანავე აღნიშნავს, რომ ილია-
შენკომ ჯერ კიდევ 2 კვირის წინედ განუცხადა, რომ იგი მას რო-
გორც ბრალდებულს სასამართლოში არ გადასცემს და რომ მისი
„შემდგომი ბედი მთლიანად დამოკიდებულია თვით გენ.-გუბერნა-
ტორის შეხედულებაზე“ და ისიც—რომ ვითომ დ. ჯაშის წინააღ-
მდეგ არავითარი ბრალდება დუშეთის მაზრის უუროსს და არც სხვა
გამომძიებელს არ წარმოუდგენია. ამიტომ ჯაშს ისლა დაარჩენია,
რომ მიმართოს და განთავისუფლება სთხოვოს გუბერნატორს.

და აი ჯაშიც თხოულობს განთავისუფლებას და „ფრიაღ სას-
წრაფო“ თხოვნას უგზავნის გენ.-გუბერნატორს. უკანასკნელი კი
როგორც ჩანს აქამდეც ცდილობდა ჯაშის განთავისუფლებას და ჯერ
კიდევ 30 ნოემბერს საოლქო სასამართლოს პროკურორის სწერდა
ჯაშის საქმეთა „საჩქაროდ განხილვის“ საჭიროებასა. პროკუ-
რორი კი თავის საპასუხო მიმართვაში, 3 დეკემბრის თარიღით გენ.
გუბერნატორს ატყობინებდა, რომ გამოძიებით ვერ იქნა მოპოვებუ-
ლი მასალები, რომლებიც, ამტკიცებდნენ ილია ქავჭავაძის
მკვლელობაში დიმიტრი ჯაშის, ალ. შერმადინის, სოლ-
კა შერმადინის და ლავრენტი ასათიანის მონაწილეო-
ბასო. რაც შეეხება მათთან ერთად დაპატიმრებულ გიგოლა მოძღ-
ვრიშვილს—იგი კი გამოაშკარავებულია, როგორც მონაწილე აღნიშ-
ნული ბოროტმოქმედებისაო.

თბილისის საოლქო სასამართლოს პროკურორის ამ მომართვა-
ზე თბილისის დროებითმა გენ.-გუბერნატორმა შემდეგი რეზოლუცია
დაადო: „Дмитрия Джаши освободить из под ареста, а отно-
сительно остальных оставить постановление моего предмест-
ника в силе“. შემდეგ აქვე 16 დეკემბრის თარიღით, არშიაზე
მიწერილია ცნობა: „Дмитрии Джаши освобожден из под ареста“.

ამრიგად ასე აშკარად ჩანს დ. ჯაშისა და ადმინისტრაციის
ურთიერთგანწყობილების მეტად საეჭვო მომენტები: ჯაში თავის
თხოვნაში პირობას სდებს: „გამანთავისუფლეთ და ყოველთვის ნზად
ვიქნები კვლავ პირველი დაძახებისთანავე გამოცხადდრე“ თქვენს გან-
კარგულებაშიო; გენ.-გუბერნატორი კი სასწრაფოდ ანთავისუფლებს
ჯაშს, ხოლო იმავე პროკურორის მიერ „ჯაშსავით უდანაშაულოდ
ცნობილ“ სხვა პატიმრებს კვლავ ციხეში სტოვებს და მათ მიმართ

მისი წინამოადგილის განკარგულებას ძალაში სტოვებს... განთავისუფლების შემდეგ კი სულ მალე უკვე საქვეყნოდაც ცნობილი შეიქნა, რომ დ. ჯაში „ოხრანკის“ აგენტი იყო. აქვე უნდა დავსძინოთ კიდევ, რომ ჯაშის განთავისუფლების „რამდენიმე დღის შემდეგ ყ. ფალავამ და ექტუშევსკიმ ბევრი ამტკიცეს რომ „მთელი ამ საქმის მომწყობი არის დ. ჯაშიო“, მაგრამ მათ უმაღლეს ადმინისტრაციამ არავითარი ყურადღება არ მიაქცია.

* * *

ნამესტნიკის კანცელარიის განსაკუთრებული განყოფილება საპოლიციო საქმეებში თბილისის საოლქო სასაძარტლოს პროკურორს 14 დეკემბერს „ფრიად საიდუმლო“ ბარათით ატყობინებს: ოზურგეთში დაპატიმრებულ ალ. გრეკოვმა 30 ნოემბერს პირადად გენ.-მაიორ ტოლმაჩევის წინეთ ოზურგეთისა და სენაკის მაზრების დაქ. ფოთის გენერალ-გუბერნატორი, ამჟამად ოდესის გენ.-გუბერნატორი), განუცხადა რომ ა/წ. ზაფხულს, გურიაში ს. ბახეს, ს.-დ. პ. ერთერთ კრებაზე, რომელსაც 16 კაცი დაესწრო, კრების თავმჯდომარემ განაცხადა, რომ ილია ქავ-ქავაძე უნდა მოკლულ იქნეს, რადგან მან ჩვენ გვიღალატა. მისი მოკვლა დაადგინა პარტიის ცენტრალურმა კომიტეტმა“, ხოლო მათ კი დავალებული აქვთ საქმის სისრულეში მოყვანა. ამავე კრებამ კენჭის ყრით შეარჩია ილიაზე ტერორისტული აქტის მოსახდენად ერმ. და კალ. დოლიძე და ბასილაშვილი. ამ ბარათის მიღების მერე ილიაშენკომ დაკითხა თვით ტოლმაჩევი და მისი თანამშრომელი გ. ტამბუევი, რომელთაც დაადასტურეს, რომ ალექსანდრე გრეკოვმა მართლაც განუცხადა მათ ზემოდმოყვანილი ამბავი. დაკითხეს თვით ალ. გრეკოვიც, მან თითქმის სიტყვა-სიტყვით გაიმეორა წინანდელი ჩვენება, თუმცა ამაში იმთავითვე იყო ანგარიშგასაწევი შეუსაბამობანი.

„ოხრანკის“ მიერ სცენაზე ალ. გრეკოვის გამოყვანამ საქმეს სავსებით სხვა მიმართულება მისცა. პირვანდელ ბრალდებულთ მოეფონათ, ახალ ექვდებულთ აპატიმრებენ. გამოძიების პროცესი თითქმის ხელახლა თავიდან იწყება. ტოლმაჩევი გამარჯვებას ზეიმობს. მაგრამ პროვოკაციამ ბოლომდე ვერ გასჭრა. 19 აპრილს 1908 წ. ილიაშენკომ განმეორებით დაკითხა ალ. გრეკოვი, წამოუყენა მას ჩვენებაში მოცემული შეუსაბამობანი და მოაგონა, რომ ჩვენების არც ერთი მთავარი მომენტი არ დასტურდება.

ცხადია აქ დიდი როლი ითამაშა საზოგადოებრივი აზრის აღშფოთებამ—პრესამ და სხვ. ამ ყოვლად აშკარა პროვოკაციის წინააღმდეგ ალ. გრეკოვმა აღიარა, რომ მას ილიას მოკვლის შესახებ ნამდვილად არაფერი გაუგონია და ს. ბახვში ს.-დ. პ. კრებაზედაც არასოდეს არ ყოფილა; ყველაფერი მოიგონა მხოლოდ ერმილე დოლიძისადმი კერძო ინტერესით.

* * *

ალ. გრეკოვის, უკეთ ვსთქვათ გენ. გ. ტოლმაჩევის პროვოკაციის ჩაშლის მერე მაინც ყველაფერი ნათელი უნდა იყოს. მაგრამ ჟანდარმერია მაინც „ეძებს“ და „ეძებს“ დიდის გაკიანურებით. იწყება მკვლელობის დღეს საგურამ-წიწამურის გზაზე გამვლელ მეურმე გლეხთა, მენახშირეთა და სხვ. დადგენა და დაკითხვა. რეაქციის გამარჯვების შემდეგ წელ-გამაგრებული მეზამულეები სამძებრო ორგანოებთან ასმენენ ათვალისწინებულ გლეხებს—რომ ვითომ ესა და ეს მონაწილეობდა ილიას მკვლელობაში. აპატიმრებენ ახალ ეპედებულთ ყოვლად უსაფუძვლო დაბეზღებათა ნიადაგზე.

მაგრამ მალე პოლკ. ივ. სტრუჟეევმა ხელთ იგდო ბოროტ-მოქმედების ახალი კვალი. 1908 წ. 3—4 თებერვალს საგურამოში, საქაროში და ნაეღარაანთკარში თავდამსხმელ ყაჩაღთა შორის დაპატიმრებულ იქნა ლადო ჩირიკაშვილი (იგივე ფეიქრი-შვილი) და პავლე ფშავლიშვილი (აფციაური). ამათმა დაკითხვამ გამოარკვია შემდეგი: ჩირიკაშვილი ჯბილისში (ნაძალადევი) ღამეს ათევიანებდა ფშავლიშვილს და როცა მათ მოულოდნელად ბინაში თავს დაესხა პოლიცია, დაპატიმრების წინ ფშავლიშვილმა ჩირიკაშვილს გაანდო, რომ მას ალბად აპატიმრებენ ილიას მკვლელობისათვის, რაშიაც მართლაც მონაწილეობდა გ. ბერბიჭაშვილთან, ინაშვილთან და ვილაც იმერელთან ერთად. თვით პ. ფშავლიშვილმა აჩვენა, რომ მას გზაზე გადაეყარნენ ბერბიჭაშვილი, ინაშვილი და ვინმე იმერელი, რომელთაც წინადადება მისცეს მას, რათა წასულიყო მათთან ერთად საგურამოში: „ჩვენ უნდა მოვკლათ ილია ქავკავაძე“. ფშავლიშვილი მისი ჩვენებით მათ გაჟვია, რადგან მოკვლით დაემუქრნენ, ხოლო მკვლელობაში მას უშუალო მონიწილეობა არ მიუღია, და არც გატაცებული ნივთებიდან წაუღია რაიმე. პ. ფშავლიშვილს წინად უმსახურნია ილიას მაძულში ღამის დარაჯად.

3. ფშავლიშვილისა და ფეიქრიშვილის ჩვენება ძირითადად შეესაბამება ფილიპე მაძმანაშვილმა და თან დასძინა, რომ თავდასხმის დროს მოკლულმა ლაქიამ, იაკობ ბითარაშვილმა გ. ბერბიკაშვილი დასჭრა ფეხში. ამასთანავე მაძმანაშვილს უნახავს ფშავლიშვილის ხელში ილიას ოქროს სათვალეები, რაც უკანასკნელს სთხოვა ფეიქრიშვილმა თავის ცოლისათვის ბეჭდის გასაკეთებლად; ხოლო ილიას „მაუზერი“ წაუღია ვ. ინაშვილს. მაძმანაშვილის შეკითხვაზე, თუ რათ მოკლეს ილია ქავეჭავაძე, მკვლელებს უპასუხნია: „იმისათვის რომ მან გლეხებს წაართვა სახნავი მიწებიო“. აქვე უნდა შევნიშნოთ, რომ თვით ეს მაძმანაშვილი იყო ყაჩაღ-ბანდიტი, მაგრამ დაპატიმრების მერე, როგორც ჰჩანს ის „დაუახლოვდა“ „ოხრანკას“ და ეხმარებოდა მას ყაჩაღების და ტერორისტების დაქვრავში. იგი ჟანდარმერიას აძლევდა აგრეთვე „საქირო ჩვენებასაც“; მხედველობაში გვაქვს მისი ჩვენება იმის შესახებ, თითქოს ილია მოკლეს აგრარული ვითარების ნიადაგზე.

საქმე იმაშია, რომ, რამდენადაც მკვლელობის კვანძი აშკარად ედება „ოხრანკა“ ყოველ მხრივ ცდილობდა რათა მისთვის მიეცა შემთხვევითი ყაჩაღური თავდასხმის ხასიათი; მაგ.: პრისტავი ვ. გ. ემეცი „დარწმუნებულია რომ თავადი მოკლეს გაძარცვის მიზნით, რადგან ეტლიდან წაიღეს სხვადასხვა ნივთები“, ლაქიას ჩემები გააძრეს და ილიაც და მისი მეუღლეც გაძარცვეს.

კვლევა-ძიების პროცესი მეტად კიანურდებოდა; საქმე გადადიოდა ერთი გამოძიებლიდან მეორის ხელში; ყოველი ახალი გამოძიებელი კი მთელ საქმეს თითქმის ისევ თავიდან იწყებდა. ამასობაში 1908 წ. 11 მაისს თავს დაესხნენ რა ყარაულს მეტეხის ეზოს მთავარი კარებიდან ვინმე ბურჭულაძესთან ერთად გაიქცა პ. ფშავლიშვილი; ახლა ინაშვილთან და ბერბიკაშვილთან ერთად ესეც საძებარი გახდა. ეძებენ და ვერ უპოვნიათ ამათი გზა-კვალი. რაც შეეხება ლაბაურსა და მოძღვრიშვილს, ესენი თითქმის ყოველ კვირა თხოვნებს აძლევენ და ჩივიან უდანაშაულობაზე, თხოვენ გამოძიების დაჩქარებას და თავდებქვეშ ციხიდან გამოშვებას.

1908 წ. 3 ივლისს საქმეში კვლავ ჩნდება ყ. ფალავას მოხსენება. იგი კვლავ დაბეჯითებით იცავს თავის იმთავითვე წამოყენებულ ბრალდებას, თან დასძენს ასეთივე მთელი ადგილობრივი გლეხობის აზრიცო, რომ უშუალოდ მკვლელობაში მონაწილეობდნენ ფშავლიშვილი, ბერბიკაშვილი, მოძღვრიშვილი და ვ. ინაშვილი. თედო

ლაბაურს ყოველივე საიდუმლოდ უნდა შეენახა მოკვლის შიშით..
გ. ბერბიკაშვილი ატარებს თადიაშვილის გვარსაცო.

* * *

მთელი პროცესი გამოძიებისა ისეა წარმართული, რომ განსაკუთრებული გულმოდგინებით ეპყრობიან დასჯის საქმეს ბრალდებულთა იმ კატეგორიისას, რომელთაც უმტკიცებენ ს.-დ. პ. რაიმე კავშირს. ასე მაგ. ერ. დოლიძეს,—მიუხედავად იმისა რომ კვლევაძიებამ ვერავითარი საბუთი ვერ ჩაიგდო ხელთ, მკვლელობაში მისი მონაწილეობის დასამტკიცებლად,—მიუსაჯეს (1908 წ. 24 აგვისტოს) ორენბურგის გუბერნიაში გადასახლება. მეორეს მხრივ ჟანდარმერიამ კვლავ მოახერხა მკვლელობის ს.-დ. პ. დასაბრალებლად ახალი დოკუმენტებისა და მოწმეების ფაბრიკაცია.

მცხეთის პრისტავ ნ. ა. მარკოვიჩმა, მის მდივან გაბრ. გარსევანოვმა და პოლიციის სტრაჟნიკ ალ. ანატოლიევმა 12 აგვისტოს დაკითხვის დროს აწვეწეს (ხოლო ჩვენ დაგვკითხეთო მათ თვითონ ვანაცხადეს!), რომ 1908 წ. თებერვალს აღნიშნულ პრისტავმა მდივანისა და სტრაჟნიკის დასწრებით დაკითხა გიორგი ხიზანაშვილი, რომელმაც ვითომ მათ მოუთხრო შემდეგი: ილია მისი (ხიზანაშვილის) თვალების წინ მოჰკლეს; ამასთანავე მოკვლის წინად წიწამურში მოვიდნენ: პ. ფშავლიშვილი, ვ. ინაშვილი, გ. ბერბიკაშვილი და ვილაც იმერელი. „მათ დაუძახეს სოფლელებს და გამოუცხადეს, რომ კოშიტეტმა დაადგინა მოკლულ იქნეს თავადი ქავქავაძე და რომ ეს საქმე მათ სისრულეში უნდა მოიყვანონ“. როდესაც სოფლელები დაიშალენ, ჩამოსულებმა გ. ხიზანაშვილს მოკვლის მუქარით წინადადება მისცეს მონაწილეობა მიეღო ილიას მკვლელობაში. იგი დაიყოლიეს; მას სტვენიტ ნიშანი უნდა მიეცა, როცა ქავქავაძის ეტლი ჩასაფრების ადგილს მიუახლოვდებოდა... მოახლოვდა... თავსდაესხნენ. მოკლეს. გასძარცვეს. ინაშვილმა წაიღო საათი, ბერბიკაშვილმა — ბეჭდები, იმერელმა — ჩემოდანი, ფშავლიშვილს კი თავდასხმაში მონაწილეობა არ მიუღია, არც ნაძარცვი წაუღია.

ამის მერე კვლავ დაკითხეს თედო ლაბაურს 27 აგვისტოს. ახლა უკანასკნელის ჩვენებაში ჩამატებულია (ჩამატებულია ოქმში სტრიქონებს შორის, თუმცა იმავე ხელით) ახალი მონაწილე თავდასხმისა და მკვლელობისა—გ. ხიზანაშვილი. ცოტახნის მერე, 1908 წ. დეკემბერს დუშეთის მაზრის უფროსს რომელიღაც მემამულემ—რომლის დასახელება მაზრის უფროსს არ შეუძლია „რადგან ბორკავს

პატიოსანი სიტყვა"—აჩვენა, რომ ის „იმერელი“, რომელიც მონაწილეობდა მკვლელობაში არის ს. ოზიევი.

ამგვარად, მას მერე რაც ნამდვილ მკვლელთა ვინაობა საქვეყნოდ ცნობილი გახდა, ასეთ შესახებ მთელი ადგილობრივი ასევე რუსეთის ცენტრის პრესა ლაპარაკობდა, როგორც უკვე დადგენილ ფაქტზე, ოხრანკამ ახალ ხერხს მიმართა. პროვოკაციულად თვით ეს ბანდიტები გამოაცხადა ს.-დ. პ. წევრებად.

ამის მერე 1908 წ. 29 დეკემბერს კავკასიის საოლქო სასამართლომ თ. ლაბაურს და გ. მოძღვრიშვილს მიუსაჯა სიკვდილით დასჯა—ჩამოხრჩობით. ცოტა უფრო ადრე 14 დეკემბერს კუს ტბასთან ახლოს დააპატიმრეს—ვ. ინაშვილი და კიდევ ცნობილი ყაჩაღი იაკ. დოროშენკო, რომელთაც დაატოვებინეს 29 ოქტომბერს ყაჩაღის მიერ ნაძალადევიდან გატაცებული კონსტ. მიჩაქოვი. ოზიევისა და ინაშვილის საქმე მყისვე გადაეცა განსაკ. მნიშვნ. საქმეთა გამომძიებელ ცვეტკოვს. 18 დეკემბერს გერმანელთა კოლონიაში ალექსანდრისდორფის მახლობლად მოკლულ იქნა მეტეხიდან გაქცეული პ. ფშაველიშვილი.

განაჩენის გამოცხადების მერე—19 იანვარს 1909 წ. თ. ლაბაურმა „მოითხოვა“ ხელახლა დაეკითხათ; 27 იანვარს დაკითხვისას მან აჩვენა, რომ ძალიან კარგად იცის ნამდვილ მკვლელთა ვინაობა, ესენი არიან: პ. ფშაველიშვილი (უკვე მოკლული), გ. ბერბიქაშვილი (ვერ უპოვნიათ), ლ. ჩირიკაშვილი (ვერ უპოვნიათ) და იმერელი (დაუდგენელი პიროვნება). წინათ კი დუშეთის მაზრის უფროს ფალავამ იგი ვითომ აიძულა მათ შორის დაესახელებია გ. მოძღვრიშვილი (სიკვდილპისჯილი) და ვ. ინაშვილი, რომლებიც უბრალონი არიანო. იგივე ჩვენება თედო ლაბაურმა განიმეორა 10 მარტს დაკითხვისას. იმავე დღეს დაკითხული ვ. ინაშვილი არ ცნობს თავს დამნაშავედ. უნდათ დაკითხონ ილიას ქვრივი, მაგრამ 1909 წ. 12 აპრილის თარიღით ექიმის მიერ გაცემული ცნობის თანახმად ოღლა თადეოზის ასული ქავქავაძისა „დაავადებულია ნევრალგიით და ორივე ყურის სიყრუით“. ამასობაში ინაშვილმა მოახერხა მოწმეთა დარაზმვა. 1909 წ. აპრილიდან თავ. ილ. გურამიშვილი და ა. წინამძღვარიშვილი აპტიკებენ, რომ მკვლელობის დროს ინაშვილი იყო მათთან ერთად თავ. ციციშვილის ოჯახში.

საკასაციო საჩივრის მერე, 11 ივნისს 1909 წ. საოლქო სასამართლოს დასკვნითი დადგენილებით ერ. დოლიძე გამოუშვეს 1000 მ. გირაოს ქვეშ, გიორგი (იგივე ლომა) ხიზანიშვი-

ლის, თ. ლაბაურისა და გ. მოძღვრიშვილის საკვდილით დასჯა შეაჩერეს; ისინი დატოვებული იქნენ ციხეში. აქვე უნდა აღვნიშნოთ, რომ ბრალდებულთათვის სასჯელის შემსუბუქება იშუამდგომლა თვით ილიას კვრებმა: „არა უწყით თუ რა ჩაიდინესო“. გაშვება ძირითადად ამით დამთავრდა.

* * *

აქვე უნდა დავსძინოთ რომ ციხეში დატოვებულ ივ. ინაშვილის, გ. ხიზანიშვილის და თ. ლაბაურის მიმართ კავკასიის სამხედრო საოლქო სასამართლოს განაჩენი, სიკვდილით დასჯა (ჩამოხრჩობათ)—როგორც თბილისის საგუბერნიო ციხის უფროსი 1909 წ. 21 აგვისტოს თარიღით „სავსებო საიდუმლო“ მიმართვაში თბილისის საოლქო სასამართლოს პროკურორს ატყობინებდა, — ის რულეში იქნა მოყვანილი.

უნდა ითქვას რომ ეს უკანასკნელი მომენტიც უდიდეს ყურადღებას იპყრობს მთელ პროცესში. ამით ხომ შეწყალება მიიღეს? მაშ რატომ წაიღო სასამართლომ და ადმინისტრაციამ თავისი საზეიმოდ წარმოთქმული სიტყვა უკან?—უდაოა ამ უკანასკნელთა გამოშვება არ იქნებოდა მიზანშეწონილი. „ოხრანკის“ მიერ ასე თვალთმაქცურად ჩატარებულ მთელ პროცესს სავსებით ფარდა აეხდებოდა. თუ დაკითხვების დროს ამათ ერთი სიტყვაც კი არ ათქმევინეს დ. ჯაშის შესახებ ციხიდან განთავისუფლების მერე მათს ენას კლიტეს ვინღა დაადებდა? ხოლო ჯაშისათვის ნილაბის ახდა კი იგივე იქნებოდა, რაც „ოხრანკის“ ჟანდარმერიის და, მაშასადამე, მთელი თვითმპყრობელობისათვის ნილაბის ახდა და ილია კავკასიის მკვლელობაში მისი მხილება.

ამგვარად მოიშორა ილია კავკასიამ, თავიდან „ოხრანკამ“, რომელსაც მთელი ათეული წლების განმავლობაში ძილს უფრთხოვდა ა/კავკასიის ხალხთა ნაციონალურ-რევოლუციური მოძრაობის აღორძინება, რაშიც ილია იმთავითვე ერთერთი ყველაზე თვალსაჩინო ფიგურა იყო. დაწყებული სტუდენტობის წლებიდან, „ცისკრის“ და შემდეგ „საქართველოს მოამბის“ პერიოდიდან ილია ცარიზმს ყოველთვის ჰყავდა მხედველობაში, როგორც მოსახლეობის მასებზე დიდი გავლენის მქონე „და თავისი თავისუფალი აზროვნებით“ მეტად საშიში პიროვნება. და ეს უნდობლობა თვითმპყრობელობისა ილიასადმი დღითი დღე იზრდებოდა. ასე მაგ., ჯერ კიდევ 1894 წ. 1 მაისის თარიღით თბილისის ჟანდარმთა სამმართველოს უფროსი პოლიციის ლეპარტამენტისადმი (პეტერბურგს) საიდუმლო მოხსენე-

ბაში სწერდა: „დანამდვილე ბით შეიძლება ითქვას, რომ მთავარი ხელმძღვანელი იმ მოძრაობისა, რომლის მიზანიცაა ეროვნული მოძრაობის გაღვიძება, არის თავ. ილია გ. ჭავჭავაძე, თბილისის სათავადაზნაურო ბანკის თავმჯდომარე. ი. გ. ჭავჭავაძე არის თვალსაჩინო ქკუისა და მდგომარეობის პატრონი; დიდი ავტორიტეტის მქონე ქართველებში საერთოდ და განსაკუთრებით თავისუფლად მოაზროვნეთა შორის. დადის ხმები, რომ დროგამოშვებით მასთან იმართება საიდუმლო კრებები, სადაც ირჩევა საზოგადოებრივი და სოციალური ხასიათის სხვადასხვა საკითხები“.

გასაგებია, ამის შემდეგ, რომ 1905--7 წ. წ. რევოლუციის პერიოდში, ილია განსაკუთრებით საშიში შეიქმნებოდა თვითმპყრობელობისათვის. უდიდესი ინტერესის შემცველია ამ პერიოდში ილიას წერილები მის მოურავ მოსე მემარნიშვილთან, საიდანაც ჩანს მთელი ის ჰუმანურობა როგორათაც ილია ეპყრობოდა გლეხობას.

ილიას პოლიტიკური წონა კიდევ უფრო გაიზარდა მას მერე, რაც იგი შეიქნა სახელმწიფო საბჭოს წევრი, ახლა ცარიზმისათვის კიდევ უფრო განსაკუთრებულ ხასიათს ღებულობს ილია ჭავჭავაძის საზოგადოებრივ-პოლიტიკური მოღვაწეობა. ცნობილია, ილიას მკაცრი — ოპოზიციური გამოსვლები სახელმწიფო საბჭოში. ეს უკვე მეტისმეტი იყო. „ოხრანკას“ არ შეეძლო ამდენის მოთმენა, მით უმეტეს, რომ რეაქტია გარკვეულად იმარჯვებდა და მთელ იმპერიაში შავრაზმული „პოგრომების“ ხანა ღვებოდა. და აი 1907 წ. 30 აგვისტოს წიწამურ-საგურამოს გზაზე ბანდიტურ-პროვოკაციულ მკვლელობამ — რაც ცარიზმის საგამომძიებლო ორგანოებმა ფაქტიურად მიჩქმალეს, — გააქეთა ის, რისი გაკეთებაც „ოხრანკას“ სხვა გზით არ შეეძლო.

* * *

დ. ჯაშის ვინაობისა და ილიასთან მისი ურთიერთობის შესახებ საინტერესოა გავეცნოთ რამოდენიმე ფაქტს ყარამან ფალავას მოგონებიდან (ეს მოგონება დაიწერა პირადად ჩვენი თხოვნით ა. წ. აგვისტოს):

„სამსახურის გამო ჩავედი საგურამოში, ილია ვინახულე. სტუმრად ჩამოსვლოდა ზაალ ჭავჭავაძე, სალამო იყო. ილიამ არ გამიშვა: „იყავი ამელამ აქ ღამე გაათიე, თუ რამე გვაქვს ვკამოთ

თანაც ვილაპარაკოთ"... სუფრა გააწყვეს აივანზე, დავსხედით ვახშმად. ილია კარგ გუნებაზე იყო. ვახშმობის დროს შემოვიდა დ. ჯაშ. შევატყვეთ არა სასიამოვნო იყო მისი შემოსელა ილიასათვის, რადგან ჩანგალი ხელიდან დააგდო და შეეკითხა რა გინდაო; იმან უთხრა შესახებ ბალის შემუშავებისა. ილიამ უთხრა: „რაც საჭიროა ხვალ მელაპარაკე, ესლა დრო არ არის“. ჯაშ ი გავიდა. ილია ცუდ გუნებაზე გახდა, თავი გაიქნია და თქვა: „ეს ვინ მომახვიეს თავზეო“. ილიას არ უყვარდა უბრალოდ ლაპარაკი, ეტყობოდა, ბევრი რამე უნდოდა ეთქვა, მაგრამ მხოლოდ ეს წარმოსთქვა: „როგორღაც ხალხში დაძვრება და ჩემს წინააღმდეგ ხალხს მირევს“-ო. ამ სიტყვების შემდეგ ზაალ კავკავაძემ უთხრა: „თუ ასეა რას უყურებ რატომ თავიდან არ მოიშორებ“-ო? „გვიან არის თორემ ეხლაკი მალე მოვიშორებ“-ო — უპასუხა ილიამ.

მეც ამ ლაპარაკში გავერიე და უთხარი: ბატონო ილია, მე მაქვს ცნობები რომ თქვენი მოურავი კარგი კაცი არ უნდა იყოს მეთქი და, რაც ნანახი მქონდა ჩემი თვალით, მოუყევი შესახებ დ. ჯაშისა:

[ერთხელ გზად მიმავალმა]... „დავინახე რომ ჟანდარმთა სამმართველოდან გამოვიდა დ. ჯაშ. ეკავა ბრეზენტის ჩანთა და რაღაც ქალაღებზე აწყობდა. ვიფიქრე ილიას მოურავს აქ რა უნდოდა მეთქი. ის წინ მიდიოდა. ცოტა ხნის შემდეგ გვერდით ჩამიარა მცხეთის ჟანდარმთა ვახმისტრმა, რომელიც მიცნობდა: თავი დამიკრა. როგორც მახსოვს გვარად ლომანოვი ან ლომანოვსკი იყო. მე მას მივმართე: ეს ჯაშ ი ეხლა თქვენი სამმართველოდან გამოვიდა და რა უნდოდა [მანდ] მეთქი. ცოტა შეჩერდა და შემდეგ მიპასუხა: ის ჩვენთან მუშაობსო.

„ეს ჩემი ნახული და გაგონილი გადავეცი ილიას, თანაც ვკითხე: თქვენი მოურავი რამე მონაწილეობას ხომ არ ღებულობს იქ მეთქი. ილიამ, მიპასუხა: ადვილად შესაძლებელია, ეს ისეთი პიროვნებაა მაგისაგან ყველაფერი წარმოდგებაო.

„... ჩემი ექვები გამართლდა, დ. ჯაშ მართლაც გამოდგა ჟანდარმერიის აგენტი.

„ჩემი ზემოხსენებულ მოგონებიდან ვგონებ ორ თვესაც არ გაუვლია რომ ვერაგულად იქნა მოკლული საქართველოს სასიქადულო ილია“.

ასევე საინტერესოა მესტამბე ლუარსაბ ხელაძის მოგონება: „ვინ იყო დ. ჯაში“...საიდანაც ჩვენ მხოლოდ აქამდე უცნობ რამოდენიმე ფაქტს მოვიყვანთ:

„დ. ჯაში იყო ერთი უბრალო ასოთამწყობთაგანი. სწავლავანათლება მიიღო სოფლის სკოლაში. 17 წ. იქნებოდა, როდესაც სოფლიდან ჩამოვიდა და „ქართველთა ამხანაგობის“ სტამბაში შევიდა შეგირდად. რამდენიმე წლის შემდეგ უკვე კარგი მცოდნე ასოთამწყობი იყო და მუშაობდა გაზ. „Тифл. Рან.“-ზე, რომელიც იმ ხანებში იბეჭდებოდა ნ. თამაშაშვილის სტამბაში...

„რამდენიმე ხნის შემდეგ დ. ჯაში, რალაც პროვოკაციული საქმის მოწყობისათვის ჩაეარდა მეტეხის ციხეში, მხოლოდ ამჟამად მან თან ჩაითრია, რამდენიმე კაცი, რომელთაც მოახვია თავზე ბომბების დამზადება ვორონცოვის ხიდის ყურეში არსებულ ერთერთ სასტუმროს ნომერში... თვითონ ჯაში რამოდენიმე დღის შემდეგ განთავისუფლდა ციხიდან (სხვები კი იქ დარჩნენ).

„ამის შემდეგ დ. ჯაშისათვის ციხე უკვე საშიში აღარ იყო, ისე თავისუფლად დადიოდა იქ და არც სათაყილოდ მიაჩნდა გავიდა რამდენიმე ხანი მისი ტუსალობის შემდეგ და მას უკვე ვხედავთ კარგად ჩაცმულს, მზიარულს, ცხოვრებით კმაყოფილს და უტულობაც არ ემჩნეოდა. დ. ჯაში თანამშრომლობდა აგრეთვე რეაქციულ გაზეთებში „Московск. Ведомости“ და „Петер. Вел.“ ჯაშს, ამ სამკლასიან მოღვაწეს, მოქაზრებულს ენა და ზასრი კალამი ჰქონდა... იგი გაზეთებში სწერდა პსევდონიმით „Джигит“ და სხვა... ჯაში მუშაობდა მეტეხის სტამბაში, რომლის გამგედ ვიყავი მე. ერთ საღამოს პოლიციამ დაიწყო ჯაშის ძებნა, მას პოლიცემისტერი ზასიპკინი იბარებდა. მე გაუგზავნე ჯაში. რამდენიმე დღის შემდეგ ჩემ შეკითხვაზე, თუ რად დაიბარა იგი პოლიცემისტერმა, ზან ყოყმანის შემდეგ მიაბო: „პოლიცემისტერმა მითხრა, რომ მეორე დღეს გამოვცხადებულვითყავ ნამესტნიკ ვორონცოვ-დაშკოვთან“-ზეც ნაჭირავებ ფრაკში წაველი. დარბაზში გამოსული ვორონცოვ-დაშკოვი პირველ რიგში კითხულობს: „А где же Джигит?“ უჩვენებს ჩემზე და მეფის მოადგილე ჩემსკენ წამოვიდა მოსასალმებლად და მე, როგორც გამოუცდელმა, დაეუწოჩე და თაყვანი ვეცი, თუმცა-ლა ასე არ უნდა მოეკცეულვითყავ. მეფის მოადგილე მომიახლოვდა, მხარზე ხელი დამადო და მითხრა: „ჯიგითი“ თქვენა ხართ „Московск. Вел.“-ში

რომ სწერო ჩემზე“? „ღიას მე გახლავართ მეთქი“ და სხვა. მერე მითხრა განმეგრძო მუშაობა დიდებული რუსეთისათვის.

„ამის შემდეგ ნამესტნიკის კანცელიარიის თანამშრომლები ჯაშს პატიჟობენ რესტორან „ანონაში“, სადაც მას დაწვრილებით გამოკითხავენ თავის ვინაობას. ნამესტნიკის კანცელიარიამ მალე ჯაშს დაავალა მიმოხილვა გერმანელთა კოლონიებისა. ჯაში აცხადებს: „წინადადება მომცეს თხიზელი ყურადღება მიმექცია მათ პოლიტიკურ განწყობილებაზე და სხვა“. ეს მომიყვა ჯაშმა ზემოხსენებული შეხვედრის დროს.

„ყოველივე ამის მერე შეიქნა ჯაში ილიას მოუთრავად. ილიას ვერაგულად მოკვლის შემდეგ ხალხში ხმა დაირხა: ამ საქმის მომქმედი დ. ჯაში უნდა იყოსო. ილიას მოკვლის შემდეგ გაიარა რამდენიმე ხანმა დ. ჯაშმა დაიწყო სოფლებში და მაზრებში სიარული და ლექციებს კითხულობდა ილიას მკვლელობის შესახებ, რომ ილია მოჰკლეს მისმა გლეხებმა. რადგან უკმაყოფილო იყვნენ მისგან. ჯაშის ლექციებს არავინ ესწრებოდა, რადგან ზიზღით უყურებდნენ მას... ხშირად მინახავს 1917—1918 წ.წ. ხარტუხის კლუბში, სადაც საღამოები იმართებოდა,—ჯაში ვინმეს ეკამათებოდა ილიას მკვლელობის შესახებ, მაგრამ კამათი ჩქარა ჩხუბად გადაიქცეოდა და ჯაშიც მაშინვე გაიპარებოდა კლუბიდან, აღელვებულ ხალხს საბუთი არაჰქონდა ხელში, თორემ იქვე გაგლეჯდნენ მას... რევოლუციის შემდეგ გამოაშკარავდა... რომ ჯაში იყო პროვოკატორი და გამცემი აგენტი საიდუმლო განყოფილებისა. ამ დროიდან დ. ჯაში დარჩა გარიყული: ან სამუდამოდ უნდა გაშორებოდა სამშობლოს, რაც ვერ მოახერხა, ან თავი უნდა მოეკლა. თითქმის ასეც მოხდა: იგი თავისივე ბინაზე მოკლა თავისი ცოლის ძმამ“.

* * *

საყურადღებოა ძველი მუშა ასოთამწყობ ა. ვადაცკორიას მოგონება, საიდანაც აშკარავდება დ. ჯაშის ახლო კავშირი ჟანდარმერიასა და პოლიციასთან. ზემოდ არაერთხელ მოხსენებული გამოძიებელი ილიაშენკო თურმე ჯაშის მეგობარი გამხდარა და უკანასკნელის ოჯახში წვეულებებზე დაიარებოდა. თვით ჯაში ილიაშენკოს შესახებ სხვა მის ნაცნობებს ეუბნებოდა. რომ იგი არის მისი „საუკეთესო მეგობარი“.

მაგრამ განსაკუთრებული ინტერესის შემცველია პროფ. ფილიპე გოგიაიშვილის მოგონება:

„როდესაც გაზეთ „ივერიის“ რედაქტორად ვმუშაობდი, რედაქციაში დამხვდა დიმიტრი ჯაში. „ივერიაში“ ჯაში მუშაობდა, როგორც ასოთამწყობი და რეპორტიორი. ჯაში ჩემზე არ სტოვებდა კარგ შთაბეჭდილებას. მე მას არაფერში არ ვენდობოდი და ვეუბნებოდი რედაქციის თანამშრომლებს, რომ გაესინჯათ ჯაშის მიერ წარმოდგენილი ცნობები. ჯაში არ ეკუთვნოდა არც ერთ პროგრესიულ პარტიას, ის არ ყოფილა რომელიმე პროგრესიული პარტიის წარმომადგენელი. ის უფრო თანაუგრძნობდა მეფის რეჟიმს. იგი ყოველად საზიზღარი — ლაწირაკი პიროვნება იყო. მე შეხვედრასაც კი ვერიდებოდი ჯაშთან.

1905—1906 წლებში ილიას წინააღმდეგ დაიწყო საშინელი კამპანია. „მოგზაურში“ დაიბეჭდა ილიას წინააღმდეგ წერილი. ილიამ დასწერა საპასუხო წერილი და გადმოცა „ივერიაში“ დასაბეჭდათ. „ივერიის“ თანამშრომლებმა გაიგეს, რომ მიღებულია ილიას პასუხი, რომელიც „ივერიაში“ უნდა დაიბეჭდოს. უნდა მოგახსენოთ, რომ რედაქციაში იყვნენ ბევრი თანამშრომლები, რომლებიც მოითხოვდნენ, რომ თუ ილიას პასუხი დაიბეჭდებოდა გაზეთში, მაშინათვე გაფიცვას მოჰყავდნენ. ერთად - ერთი სასტიკი მოწინააღმდეგე იყო დიმიტრი ჯაში, რომელიც კატეგორიულად მოითხოვდა, რომ არ დაბეჭდოდა ილიას პასუხი. თუ მისი სურვილის წინააღმდეგ წერილი დაიბეჭდებოდა, მაშინ მე შემეუქრებოდა ყველა მუშების საერთო გაფიცვით.

ვერ მოვასერხე ილიას პასუხის დაბეჭდვა „ივერიაში“. ეფექტობდით თავი დამენებებინა რედაქტორობისათვის, რადგან ვამბობდი: არ ღირს იმ რედაქციაში მუშაობა, სადაც არ დაიბეჭდება ილიას პასუხი მეთქი.

მივმართე სხვა საშუალებებს, რათა დამებეჭდა ილიას პასუხი. წერილი ავაწყე ცალკე გვერდად და დამატების სახით ჩავდევი „ივერიაში“ და თანაც შენიშვნა გავუკეთე, რომ ავტორის ზოგად მოსაზრებას რედაქცია არ იზიარებს. (აქვე უნდა აღვნიშნოთ, რომ ამით ილია გულმოსული დარჩა).

ეს შენიშვნა იმით იყო გამოწვეული, რომ შემენელებია ყურადღება ილიას მოწინააღმდეგეობისა. ამ შენიშვნას სხვა მნიშვნელობა არ ჰქონებია.

ის იყო ილიას პასუხი დაიბეჭდა „ივერიაში“, ჯაში შემოვიდა ჩემთან რედაქციაში გულმოსული და მითხრა. რომ წერილი მაქვს დაწერილი ილიას წინააღმდეგ და უნდა დამიბეჭდოთო. მე კატეგო-

რიული უარი განეუცხადე და უახარი, რომ ჩვენში არსებობს სხვა ეურნალ-გაზეთები და იქ დაბეჭდეთ მეთქი.

1906 წელს მე საზღვარგარეთ წაველი. პარიზში გავიგე, რომ ჯაში ილიას მოურავად მოწყობილიყო. ეეკითხებოდი ჩემს თავს, როგორ მოხდა ეს და როგორ შეძერა ეს საზიზღარი და ლაწირაკი ილიას მოურავად მეთქი“.

ასეთია საერთოდ თანამედროვეთა აზრი დ. ჯაშის შესახებ. (იხ. გაზ. „მუშა“, 1937. XI. 14).

* * *

ჩვენი ფართოდ საზოგადოებრივობა მეტის მეტად იყო დაინტერესებული ილიას მკვლელობის ნამდვილი მიზეზებისა და გზების გაგებაში. ამ მიზნით ერთ ჯგუფმა კიდევაც მოასერხა 1912 – 1913 წ.წ. სამხედრო საოლქო სასამართლოს არქივში დაცულ ილიას მკვლელობის საქმეთაგან ასლების გადაღება. მათ ლამაზობით გაქონდათ „საქმეები“ მოსყიდული თანამშრომელის მეოხებით¹.

რევოლუციის პირველ დღეებში ა/კავკასიის მთავრობამ ოხრანის სხვა ცნობილ აგენტებსა და შპიკებს შორის დაატუსაღა აგრეთვე დ. ჯაში. მენშევიკებმა სპეც. კომისიაც კი გამოჰყვეს ილიას მკვლელობასთან ჯაშის დამოკიდებულების საქმის გამოსარკვევად. მაგრამ ამ კომისიამ მიუხედავად იმისა, რომ დატუსაღებული ჯაში მის სრულ განკარგულებაში იყო, ვერაფერი ვერ გააცნო. მიუხედავად იმისა, რომ ჯაშის დაცობის დიდხანს გაგრძელებულა, „ჯაშმა არც ერთ კითხვაზე პასუხის გაცემა არ მოისურვა“.

„დამკითხველებს უნდოდათ ჯაშის გამოსატყხად მისთვის პირში წაეყენებნად მეორე პატიმარი ერმ. დოლიძე, — „რომელსაც ხალხის ხმა ილიას ერთერთ ფიზიკურ მკვლელად ასახელებდა“. — მაგრამ როცა საქმემ აქამდე მიაღწია (დაკითხვის დაწყებიდან ორი კვირის შემდეგ) და ჯაშს დაემუქრნენ: „თქვი სიმართლე თორემ სულერთია, ახლავე დოლიძეს წაგიყენებთ პირში და ის გამოგტეხსო“, — პასუხად ჯაშმა გაიცინა და განაცხადა: „დოლიძე თქვენ ვერაფერს ვერ გეტყვით ის უკვე მოკვდაო!“ ე. დოლიძე მართლაც უკვე მომკვდარიყო.

ხალხში დარჩეული ხმის თანახმად წიწამურის ტრადიციის საიდუმლოება უნდა ცოდნოდა ცნობილ ქართველ საზოგადო მოღვაწეს

¹. იქნებ აქ დროს დაიკარგა ხსენებული არქივიდან ერთი მეტად მნიშვნელოვანი „საქმე“, რომელიც შემდეგ საყაბოში იპოვეს კიოკის ქუჩაზე; ილიას მკვლელობის შესახებ. ამ უმნიშვნელოვანესი დოკუმენტებით, როგორც მაკულატურიზით მეყასზე ხორცს უხეოდა მკიდევლებს, „საქმის“ ხაწილი შეჰოტყვეოთ გადაურჩა ყასაბის მიერ „ათვისებას“.

და ილიას ახლო მეგობარს ილია წინამძღვარიშვილს. უკანასკნელს კიდევაც შიმართეს თხოვნით ჯერ კიდევ 1913 წ., მაგრამ მას ამ თხოვნისათვის პასუხი არ გაუცია; გარდა იმისა რომ კერძო ლაპარაკში დაუდასტურებია გავრცელებული ამბავი იმის შესახებ, რომ—წინამძღვარიშვილი—წინადლით ურჩევდა ილიას, რათა უკანასკნელი არ წასულიყო თბილისიდან საგურამოში¹.

¹. „ახალი გზელი“ 1926 წ. № 12.

დოკუმენტები

171 Р. Архив. № 422

Мр. № 1797 1909 г. 1911 год
 М. 1
 М. 1797 1909 г.

ДЕЛО

СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

ПО НАИБОЛЬШЕ ВАЖНЫМЪ ДѢЛАМЪ

ОКРУГА

Тифлисского Окружного Суда.

Г. Д. Давидов

От убитого сына Г. Д. Давидова
 Кн. У. Т. Чавчава

Начало "1" Сентября 1907 года

Кончилось "1" Июня 1909 года

Возвращено

Исправлено

1. 1907 წ. 31 აგვისტო. დუშეთის მაზრის უფროსის
ჟ. ზაღვას მოხსენება თბილისის დროებით
გენერ.-გუბერნატორს

1907 г. 31 августа. Рапорт Душетского уездного
начальника кн. Пагава Тифлисскому врем. ген.-гу-
бернатору

В дополнение телеграммы доношу вашему превосходительству, что прибыв на месте происшествия выяснил следующее: Князь Илья Григорьевич Чавчавадзе, его жена Ольга Фадеевна, лакей житель селения Зегнакаро Яков Питарашвили и кучер житель сел. Сагурам Тедо Лабаური ехали на фэтоне из Тифлиса в Сагурам. Около 12 час. дня, не доезжая версты четыре сел. Сагурам, на них напали три-четыре вооруженных злоумышленника и выстрелами из берданки и револьвера убили князя Чавчавадзе и лакея Якова Питарашвили, а также ранили в голову тупым оружием в нескольких местах княгиню Чавчавадзе,—к какому разряду относится рана врач пока не определил. Кучер остался невредим. По словам, двоюродного брата покойного Заала Чавчавадзе и, управляющего имением покойного, Дмитрия Джаши, как они предполагают, вероятно, преследовали князя из Тифлиса, так как покойному было прислано много угрожающих писем. Злоумышленники совершив убийство ограбили, взяв у покойного князя Ильи Чавчавадзе золотые часы стоимостью 300 рублей, золотое пенсне—20 рублей, саквояж: с деньгами, но сколько таковых было не известно,—векселями и другими деловыми бумагами и узел с бельем, на коем была метка: „о“ и снят с него серый пиджак. С лакея Якова Питарашвили сняли сапоги стоимостью 15 рублей, серебряный пояс—40 рублей, чугунные часы—8 рублей и револьвер казенного образца; с шен княгини Ольги Чавчавадзе сорвана золотая брошка с тремя фотографическими карточками покойного

князя Ильи Чавчавадзе в разных возрастах. По заявлению кучера Тедо Лабаури уряднику Емцу, злоумышленники были одеты в серых и белых кителях с офицерскими пагонами, все молодые в возрасте 22—26 лет, говорили по-русски, совершивши преступление убийцы, как выясняется дознанием, направились в сторону сел. Цицамури, расположенного в сторону Тифлиса.

Происшествие обнаружено при следующих обстоятельствах: урядник Голованского поста Емец с двумя стражниками ехал около часу дня из Сагурама в Мцхет, куда был вызван по делам службы приставом Мцхетского участка, с ними ехал в селение Цицамури и управляющий покойного князя Чавчавадзе. По дороге в лесу на расстоянии от себя 100 саж. заметили, что на дороге стоят лошади кн. Чавчавадзе, уехавшего 27 августа в гор. Тифлис имевшего вернуться через несколько дней. Все заговорили, что вероятно какое-либо несчастие и было бросились по направлению к лошадям, в это время вышел из леса кучер Тедо Лабаури и сказал, что убили князя и указал, что они, убийцы, направились по дороге в сторону сел. Цицамури, расположенного в сторону Тифлиса, вследствие чего урядник с одним стражником помчались в указанную кучером сторону, а другого стражника с управляющим оставил на место происшествия. Поиски как по дороге, так и в прилегающем лесу не увенчались успехом. После этого урядник отправил в сел. Сагурам княгиню Ольгу Чавчавадзе на фаэтоне, а трупы князя Чавчавадзе и лакея Якова Питарашвили на арбе. Затем дал знать в резиденцию пристава Мцхетского участка, который было обратился к командиру полусотни, расположенной там о наряде казаков, но в этом было отказано, вследствие чего пристав выехал с бывшими при нем двумя стражниками на место происшествия, где производил розыски злоумышленников. Затем приехал и я с офицером стражи и стражниками, около 12 час. ночи в день происшествия, оцепил все места, где казалось, что могут проникнуть злоумышленники, произвожу обыски в окрестных селениях, розыски в лесу и по дорогам, но пока ничего не обнаружено. О задержании злоумышленников и ограбленного немедленно дано знать уездным начальникам и

Тифлисскому полицеймейстеру. К обнаружению убийц и ограбленного приняты всевозможные меры.

- При этом докладываю, что замедление в донесении произошло в виду отсутствия единственного и главного свидетеля кучера Тедо Лабаури, повезшего кн. Заала Чавчавадзе в г. Тифлис и не возвратившегося до сего времени. Сообщаю прокурорскому надзору.

[ЦАУГ; ИРА., ф. 36, Арх. № 160, „Об убийстве члена государственного совета кн. Чавчавадзе“ 1907 г. л. 43].

2. 1907 წ. 31 აგვისტო. ილია ჭავჭავაძის გვამის განკვეთის აქტი.

1907 г. 31 августа. Акт. Я следователь Душетского уезда, прибыв в сел. Гурамианткари, произвел там в присутствии нижепоименованных понятых чрез Душетского уездного врача Яшвили вскрытие трупа кн. Ильи Григорича Чавчавадзе.

Наружный осмотр.

Покойный лежит на столе в своем собственном доме. На нем жилет из серого трико, брюки из той же материи, рубаша цветная и белые кальсоны. На шее накрахмаленный белый воротник, вокруг которого лежит цветной батистовый галстук; бант галстука развязан. На левой руке накрахмаленная манжетка снята, на правой руке манжетка сдернута с руки и висит запонкой на рубаше. Ноги обуты в полусапожки и носки. Жилет, рубаша и манжетка залиты кровью. На лице и на лбу имеются полосы крови. Верхняя часть груди, левый бок и обе кисти рук также окровавлены. Телосложение покойного правильное; живот выдается вперед. Половые части подвязаны суспензорием; в левой мошонке имеется небольшая грыжа. Прочие части тела устроены правильно.

В груди имеется сквозная огнестрельная рана, одно отверстие которой расположено тотчас внутри от правого соска, а другое на задней стенке левой подмышки. Первое овальной формы, наибольший размер его на коже три сантиметра. Второе отверстие на коже подмышки уже; оно прохо-

димо для мизинца руки. На левой части лба имеется ушибленная рана овальной формы, проникающая в глубину до кости; длина ее 4 сант., ширина 2 сант. Тут кость пробита и опущена левой своею частью вниз. Наибольший диаметр пробитой кости $1\frac{1}{2}$ вершка. Верхний, левый и нижний края ее лежат ниже уровня свода черепа, а правая часть соединена с ним; соединение не прочное, ибо кость имеет подвижность. Края кожной раны измяты, цвета черного и сухи. Под ними на кости имеются тонкие наслоения излившейся крови. Над правой бровью расположена другая ушибленная рана такого же свойства, как первая. Она также проникает в глубину до кости; но последняя не повреждена; длина этой раны три сантиметра, ширина один сантиметр.

Других повреждений на теле нет. Посмертных пятен и других начальных признаков разложения также не имеется. Следы окоченения остались еще в руках.

Внутренний осмотр.

Полость груди. Подкожная клетчатка в области огнестрельной раны груди черного цвета от излившейся тут крови. Пятое правое ребро у соединения его с грудной костью раздроблено. Затем пуля прошла через сердечную сумку, через верхние части обоих желудочков сердца и через нижнюю долю левого легкого и вышла наружу в области левой подмышки. Верхние части стенок обоих желудочков сердца обращены в клочья. Объем сердца не увеличен, но стенки его утончены и подверглись жировому перерождению. Слой жира стенок правого желудочка составляет $\frac{3}{4}$ ее толщины. В левом желудочке передняя стенка его близь верхушки имеет толщину сухой бычьей кожи; она кроме того плотна, белесоватого цвета и слегка выпячена кпереди. При давлении пальцем на эту часть стенки сердца, она западает во внутрь и при снятии пальца выпадает обратно, как стенка резинового мяча. Микроскопический вид этого аневризматического выпячивания напоминает плотное и упругое соединительно-тканное образование. Правое легкое имеет плевритические приращения с боковой частью грудной стенки; левое лежит свободно. Степень пушистости и упругости обоих легких пони-

жена. Воздухом они не переполнены. Нижние части обоих легких совершенно безвоздушны, вследствие чего нижние края их приняли вид плоского придатка, имеющего плотность кожи. В разрезе цвет легких беловатосерый. Грудная полость содержит большое количество сгущенной и жидкой крови. На стенке живота лежит толстый слой жира. Вследствие ясности причины смерти осмотр полостей головы и живота не произведен..

Душетский уездный врач Яшвили. Следователь В. Е. Дылевский. Понятые: жит. сел. Гурамианткари, крестьяне Свимон Чихашвили и Василий Нариманидзе, оба не грамотны.

Мнение. На теле Ильи Григоровича Чавчавадзе три раны: одна огнестрельная, проходящая насквозь через грудь. Канал раны имеет направление спереди назад и справа налево. Выстрел, повидимому, был направлен спереди. Смерть последовала от этой раны через повреждение сердца. Две раны, расположенные в области безволосистой части кости, причинены тупым орудием. Одна из этих ран, та, которая, осложнена повреждением черепной кости, относится к тяжким и угрожающим жизни повреждениям. Другая рана должна быть причислена к разряду легких повреждений.

Сердце и легкие у покойного Ильи Чавчавадзе оказались нездоровыми. Мускулатура сердца подверглась жировому перерождению и передняя стенка левого желудочка имела аневризматическое расширение. В протоколе осмотра я забыл упомянуть, что эндокардии левого желудочка был утолщен, серо-белый цвет его резко выдавался по сравнению с эндокардием правого желудочка; последний имел мясной цвет. Поверхность эндокардия в левом желудочке, равно полулунные клапаны и внутренняя оболочка аорты были гладки, без шероховатостей, но основания полулунных клапанов казались утолщенными и плотными. Недолго оставалось жить семидесятилетнему поэту старцу. Его больное сердце поражено вражеской пулей. Оно билось бы может быть еще несколько месяцев, или год.

Что касается огнестрельного оружия, которым был убит кн. Илья Григорич Чавчавадзе, то нельзя сказать ничего оп-

ределенного, какое было это оружие. Вместе с кн. Чавчавадзе был убит его прислуга. Пуля, удаленная из тела его круглая. По величине она подходит к тем пулям, которыми заряжались кремневые ружья. Отверстия огнестрельных ран у кн. Чавчавадзе и у его прислуги по величине и по некоторым другим свойствам приблизительно одинаковы. Зная из практики вскрытия мертвых тел свойства ран от берданки, от трех линейной винтовки нового образца и от простых нескорострельных ружей, я полагаю, что кн. Чавчавадзе убит ружьем последней категории.

Душетский Уездный врач Яшвили.

[ЦАУГ; ГИА, Ф. ОВД; 1907 г., Дело № 17 „Об убийстве члена государственного совета кн. И. Г. Чавчавадзе, лл. 43—46].

3. 1907 წ. 1 სექტემბერი. დევეზა იმპერატორის კანცელარიისა ტფილისის გუბერნატორს.

სახწრაფო.

1907 г. 1 сентября. Из Петербурга. Благоволите сообщить государственной канцелярии сведения о кончине члена государственного совета князя Чавчавадзе.

Статс-секретарь Лыщинский.

4. 1907. 1 სექტემბერი. ტფილისის გუბერნატორის დევეზა იმპერატორის კანცელარიას კმტერბუზში

Петербург. Государственная канцелярия.

30 августа около 12 дня четырех верстах от Сагурамо Душетского уезда четырьмя злоумышленниками убиты выстрелами член государственного совета князь Илья Чавчавадзе и его лакей [.] ранена прикладами голову княгиня [.] все ог-

раблены [.] приняты экстренные меры [.] предполагается [.] что князь убит местными крестьянами подстрекательству социал-демократов [.] грабеж симулирован.

[ЦАУГ; ИРА; 1907 г., Ф. 36, арх. № 162, л. 3].

5. 1907. წ. 1 სექტემბერი. ტფილისის საოლქო სასამართლოს გამომცემელ ილიაშენკოს მიერ თავად ზაალ ჭავჭავაძის დაკითხვის ოქმი.

1907 г. 1 сентября. Протокол. Судебный Следователь Тифлисского Окружного Суда Ильяшенко допрашивал поименованного с соблюдением 443 ст. У. У. С. и он показал: Кн. Чавчавадзе Заал 72 лет, православный, живу в Тифлисе, Андреевская ул. № 22.

Покойный князь Илья Чавчавадзе приходится мне троюродным братом. Это лето, вернувшись из Петербурга, он проводил у себя в деревне, в Сагурамо, туда в начале августа приехал и я. В понедельник 27 августа князь Илья собрался поехать в Тифлис вместе с женою и взял с собою также своего лакея Якова, человека давно уже у него живущего и преданного ему. Поехали они в собственном экипаже и вез их кучер Тедо, который служил у князя лет 5—6. Рассчитывал князь Илья вернуться в тот же день обратно, но я же сам ждал его не раньше как во вторник вечером, и во вторник они не вернулись, а в среду днем неожиданно приехал лакей Яков. По словам последнего князь Илья прислал его за человеком, который должен был заменить дворника рассчитанного в Тифлисе. Яков торопился чтобы поспеть обратно к поезду и действительно взял с собою человека, который и сейчас находится здесь. Яков сообщил мне между прочим, что князь Илья в четверг будет дома и я ждал его к обеду, но уже часов в 12 в этот день вдруг во дворе поднялся шум, кричали женщины и я разобрал, что говорят о том, что убили князя Илью и княгиню, его жену. Я не хотел этому верить, но вскоре действительно прибыл со стражниками фаэтон, в котором почти в безчувственном состоянии лежала княгиня. Все лицо ее было окровавлено, с посторон-

ней помощью кое-как ее довели до комнат, где уложили и обмыли. Спустя некоторое время прибыла арба, на которой доставили трупы князя Ильи и его лакея Якова. Кучер Тедо был страшно растроян и взволнован, бледный, он дрожал и даже отказывался везти меня в Тифлис, куда я решил выехать немедленно, дабы привезти врача для княгини. На мои расспросы, как все это случилось Тедо рассказал следующее: когда экипаж находился уже всего в верстах четырех от Сагурамо на дорогу из кустов выскочили четыре человека, которые приказали ему остановить лошадей. В этот момент левая пристяжная навалила испугавшись на коренника и он получил удар тупым орудием именно ружьем, в спину от которого свалился с козел. Напавшие начали стрелять в экипаж, лакей Яков соскочил и побежал от дороги в кусты, но его нагнали. Когда уже все было кончено подехали стражники, возвращавшиеся с деревни Цицамури, куда они в этот день ездили с управляющим князя Ильи для производства розыска. Появление их было чистой случайностью и им пришлось лишь доставить в Сагурамо экипаж с пораненной княгиней. Более подробно, будучи сильно расстроен случившимся, я кучера не расспрашивал и потому не могу сказать, что он собственно наблюдал, когда началась дикая расправа. Относительно нападавших он сообщил мне, что все эти были люди молодые, лет 20—25, одетые в черные брюки и белые тулупы будто бы с погонами. Может ли узнать кого либо из них Тедо, не знаю. Когда я ехал в Тифлис за доктором Тедо указал мне место, где произведено было нападение; нужно думать, что нападавшие окончив свое дело, направились в гору в лес, т[ак] к[ак] с другой стороны от дороги протекает река Арагва, переправляться через которую не так удобно. По словам того же Тедо злоумышленники говорили по-русски, но так как Тедо сам по-русски не говорит совсем, то я и не расспрашивал его о чем они говорили и как говорили, т. е. чисто или с каким-нибудь акцентом. Все что было с собой в экипаже князя Ильи злоумышленники забрали, а было, насколько я знаю два чемодана с вещами и сак с бумагами и документами. В чемоданах было между прочим вероятно белье с метками (буква „И“ на грузинском языке), ка-

кие были бумаги и документы не знаю. Затем вероятно у князя Ильи взяты деньги, так как он без денег никогда не ездил. На трупе кроме того, когда его доставили домой не оказалось золотых часов, пенсне и даже сапогов, карманы были выворочены. В таком же виде был и труп лакея Якова. Я видел у князя две пулевые раны на лбу и такую же рану в грудь. Перед отъездом в Тифлис за доктором я отдал распоряжение сообщить о происшествии во Мцхет местному приставу, а в Тифлисе сейчас же по прибытии заехал к губернатору, которому и рассказал все, что было известно. В тот же день я вернулся в Сагурамо с доктором Кимонтом, который сделав перевязку княгине разрешил взять ее в Тифлис. По словам Кимонта все поранения причинены княгине тупым орудием и угрожают ей жизни, так как повреждены кости челюсти и черепа. Никаких других поранений, кроме как на голове, у княгини нет. Положение ее [в настоящее] ¹ время настолько тяжелое, что допросить ее нельзя; доктор запретил ей говорить и она кроме того ничего не слышит да и рассказать она ничего вам не расскажет, так как не может восстановить в своей памяти случившегося. Нам удалось только добиться от нее, что в этот день был ветер, что голова у нее была закутана шалью, что какие-то люди напали на них и она сказала им „зачем вы нас убиваете“. Что было потом она очевидно ничего не помнит и об убийстве князя Ильи не знает. В первое время она все-таки спрашивала о муже, а теперь не говорит и о нем, а вспоминает свою жизнь в Петербурге.

Князь Илья Чавчавадзе по характеру своему был человек принципа и твердо держался того, что им было сказано. Иногда это походило на упрямство как, напр., в недавнем случае, когда крестьяне просили его принять вместо следуемого с них хлеба деньги. Он настаивал на том, чтобы доставлен был именно хлеб и говорил, что они могут купить его на те именно деньги, которые предлагают ему. Тем не менее я не могу сказать, чтобы крестьяне относились к кня-

¹ აქ ტექსტი დაზიანებულია. ფრანგილებში ჩასმული სიტყვა ჩვენ მიერაა შევარაუდები—პ. გ.

эю Илье с ненавистью, которая могла бы вызвать дикую с ним расправу. Они знали хорошо его нрав и знали, что он хотя и настойчив, но не будет несправедливым и не обидет их. Поэтому я не имею оснований допустить, чтобы убийство князя Ильи было совершено крестьянами и чтобы оно было вообще на почве аграрных отношений. Скорее можно думать, что князь Илья убит людьми, которые действовали в качестве принадлежащих к известной политической партии или правильнее считающих себя принадлежащими. Дело в том, что года полтора тому назад князя Илью травил грузинская пресса и писала о нем такие вещи, которые могли возбудить против него людей крайнего направления и совершенно неразборчивых в средствах для достижения целей, о которых они сами не дают себе ясного отчета. Только такие люди могли пойти на подобное дело и конечно никакую партию, как таковую я не могу подозревать в совершении убийства. Допустить, что убийство совершено кем-либо из людей домашних близко стоявших к покойному и имевших основание быть им недовольным также не могу. Правда как раз накануне отъезда князя Ильи в Тифлис, т. е. в воскресенье 26-го числа его управляющий об'явил, что прислуга (т. е. кучер, скотник и др.) об'явили голодовку. Выяснилось тогда, что они недовольны мясом и я, чтобы проверить насколько это основательно приказал подать себе те щи, которые были для них приготовлены. Они оказались очень хорошими и я сам с'ел их с удовольствием. Покойный вспыл и приказал управляющему немедленно всех удалить. Потом выяснил, что люди были вероятно недовольны тем, что им не хватило в этот день мяса, так как неожиданно приехали к князю Илье гости и обедавших было больше, чем предполагалось. Я пристыдил людей и вместе с тем об'яснил покойному, что у них были некоторые основания быть недовольными. Инцидент кончился ничем и на другой день, т. е. в понедельник тот же кучер, который собирался голодать повез князя в Тифлис, предварительно попросив у него извинения, что сделали и остальные. На вопрос ваш относительно того имеет ли какую-нибудь связь настоящее убийство с убийством бывшего управляющего князя Ильи я должен ответить, что связи

не вижу. Управляющий был убит месяца два с половиной тому назад. Вызвано было это убийство его личными отношениями и подозрение в убийстве сосредоточилось на лице, которое за воровство было преследуемо управляющим. Он добился наконец его ареста, но арестованный успел бежать и скрылся. Вскоре после этого и был убит управляющий, а скрывшийся и по сей час находится в бегах. Всего за какую-нибудь неделю до убийства князя Ильи отец этого беглеца пожелал видеть князя, но последний велел ему передать, что если он явился просить за сына то напрасно, он, князь, за него ходатайствовать не будет, если же по другому какому делу, то он его примет. После этого желавший видеть князя крестьянин ушел. Допустить, чтобы не выслушанный князем крестьянин отомстил ему так жестоко едва ли возможно. К характеристике покойного не могу не привести одного случая, доказывающего и твердость его и вместе с тем гуманность. За порубку леса крестьяне приговорены были судом к уплате известной суммы денег. Они явились к князю Илье и просили его не взыскивать с них и простить, но он категорически объявил, что деньги будут взысканы непременно, но что получив их он прикажет раздать таковые тем же крестьянам, наиболее бедным и нуждающимся. Как было сказано, так было и сделано.

Вы упустили записать еще следующее: в понедельник 27-го с князем Ильей выехал из Сагурамо немец Лейст¹ гостивший у него дня четыре. Потом: когда я приехал с кучером Тедо на место происшествия и он объяснял мне все происшедшее, мне случайно удалось видеть его спину, так как ветер поднял вдруг его рубашку. При этом меня поразило, что на спине не было никакого следа от удара, а между тем по словам Тедо ему был нанесен такой удар, от которого он свалился.

Прошу также исправить выражение, что князя Илью травил грузинская пресса. Я сказал, что о нем писали резко 2—3 человека, из лиц принимавших участие в ежедневной печати, а не вся грузинская печать. Им князь Илья и отвечал.

¹ ცნობილი გერმანელი მწერალი ა რ ტ უ რ ლ ე ი ს ტ ი.

Ко всему сказанному и считая нужным добавить еще, что лично я не допускаю, чтобы преступление было совершено людьми своими, местными и не допускаю этого именно потому, что преступники забрали нас, что было и экипаж у князя Ианы. Люди свои не решились бы поступить так прекрасно понимая, что немедленно по обнаружении преступления будут произведены обыски и по вещам обнаружат и преступников. Вот почему я скорее допускаю, что убийцы были пришлыми. Из числа взятых вещей я не упомянул еще цепочки шейной с медальоном, заключавшем в себе три портрета покойного князя. Цепочка эта снята с княгини.

Князь Залал Носреванович Чавчавадзе.

[ЦАУ Груз. ССР, ГИА, ф. ОВД., Арх. № 17, 1907 г., лл. 4—8].

6. 1907 წ. 3 სექტემბერი. ტფილისის საოლქო სასამართლოს უმნიშვნელოვანეს საქმეთა განმარქიებელ ილიაშენკოს მიერ თედო ლაბაურის დაკითხვის ოქმი¹

Протокол. 3 сентября [19]07 г. сел. Сагурамо. Судебный следователь по важным делам Тифлисского окружного суда Ильяшенко допрашивал в порядке 403—407 ст. у. у. с. нижеподписанных. в качестве обвиняемого, через штатного переводчика Козотова, и он показал:

Фамилия имя и отчество—Лабаури Тедо Захаров.

Лета—29 лет

Вероисповедание—Православный

Народность—Грузин

Место рождения—Сел. Сагурамо, Душетского уезда, Тифлисской губ.

Место приписки—Там-же

Место жительства—Там-же

Рождение—Законное

Звание—Крестьянин

Судимость—Не судился

¹ თ. ლაბაურის მეორედ დაკითხვის ოქმი დაბეჭდილია აქვე. იხ. დოკუმენტი № 17.

Отношение к потерпевшему—Служил у кн. Чавчавадзе кучером

Семейное положение—Холост

Далее обвиняемый показал: я не признаю себя виновным в пособничестве при разбойном нападении 30 сего августа, на пути из Тифлиса в Сагурамо на кн. и княгиню Чавчавадзе и лакея их Якова Питарашвили, соединенным с убийством первого и последнего и с тяжким поранением второй. В свое оправдание объясняю следующее: В понедельник 27 числа я выехал из Сагурамо с кн. и княгиней в Тифлис, а в четверг 30 мы возвращались обратно. Из города мы отправились как я думаю часов в 11, говорю так по соображению, ибо часов не имею. Езды от Тифлиса до Сагурамо часа три. Когда мы проезжали мимо Мцхетских духанов, то я обогнал 4 арбы. В фаэтоне ехали кн. и кн-ня, первый сидел с левой стороны, а вторая с правой. На козлах со мной сидел лакей Яков. На последнем был револьвер и ружье центрального боя в руках, которое везли сюда для садовника. Едва мы поровнялись с нишей для образа, что на дороге, верстах в четырех от Сагурамо, как из кустов справа от нас с горы вышли на край дороги 4 человека, которые крикнули мне „стой“. Все они были одеты в большие сапоги, в белые кителя с офицерскими пагонами и белые папахи. На вид им можно было дать одному 28 лет, другому 29, третьему 32 и четвертому 33. Все были брюнеты, при чем двое имели бороды и усы, а остальные только усы. У одного усы были особенно маленькие. Рост у этих людей был только у одного средний, остальные были выше. По виду мне показалось что эти были армяне. У первого в руках было ружье, при чем у двух были берданки, у одного центрального боя и у последнего, кажется пистонное. Как только раздалось „стой“ кн. крикнул мне только два слова: „гони скорей“. Я погнал лошадей, но первая пристяжная была слаба, плохо шла и потому бросившиеся за нами 4 человека, бежавшие сперва от экипажа, опередили скорь лошадей и схватив их под уздцы остановили. После этого один из них отделился и подойдя ко мне справа схватил и сбросил с козел. Когда я упал, то он ткнул меня дулом ружья в бока, но слегка, так как попал больше ха-

лату, который был одет на мне. В это именно время Яков соскочил с козел и побежал через дорогу налево в кусты. тогда же трое нападавших, которые были еще у лошадей, оставили их и обошли экипаж слева, причем один побежал за Яковым. Тот, который сбросил меня с козел, оббежав лошадей тоже очутился с левой стороны фаэтона. Упав на землю я сейчас же поднялся и стоял на этом же месте. Едва только нападавшие очутились с левой стороны экипажа, как раздался выстрел. Стрелял один из тех, у которого была берданка и стрелял прямо в сидевшего князя на расстоянии шагов пяти от него с боку и спереди. Князь не знаю уже почему тотчас вывалился из фаэтона на дорогу, а так как княгиня сидела еще в фаэтоне, то я из опасения, что лошади поиссутся, пробежал впереди лошадей и стал держать их под уздцы. Тем временем я слышал еще три выстрела в той стороне куда бежал Яков и видел, что один из показавших обошел фаэтон сзади и был с правой его стороны, т. е. с той, где сидела кн-ня. Я не заметил, чтобы этот человек нанес какой-нибудь удар кн-не, но я думаю, что он толкнул ее (хотя и этого не видел), так как кн-ня тоже вывалилась из фаэтона в ту сторону, где лежел князь. Вот когда в фаэтоне уже ничего не было я перестал держать лошадей и стоял так. Тот, который побежал за Яковым, имел в руках центральку. Как он стрелял я не видел, как не видел и того стрелял-ли Яков. Когда вернулся стрелявший в Якова я не заметил, чтобы у него было что-нибудь в руках. После этого я видел, как один из нападавших взял маленький чемодан, а как взяли большой я не видел. Я видел еще, что лежавшего князя обыскивали, но чтобы обыскивали княгиню, не видел, ее не обыскивали. Затем нападавшие обойдя фаэтон сзади поднялись от дороги в гору и скрылись в лесу. Я продолжал в это время стоять впереди лошадей, меня они не тронули и не сказали мне ни одного слова. Обругал меня сукиным сыном только гот, который сбросил с козел, но это было, когда он меня сбрасывал. Он сказал тогда „ты что сук[ин] сын не останавли-заешься, когда тебе кричали стой“. После того как напавшие удалились я пошел по дороге по направлению к дому с тем, чтобы дать знать о случившемся, но как раз перед тем, как

встретиться с управляющим и стражниками я свернул в лес по естественной надобности, почему при встрече с ними и вышел из леса. Я не сел на лошадь, чтобы скорей поспеть домой только потому, что растерялся и не сообразил сделать это. При встрече с управляющим я сказал ему, что случилось такое несчастье и князя убили. Что стало с Яковым, я уходя не посмотрел и только уже потом увидел, когда прибыли управляющий и стражники, что Яков убит. Всего нападавшие произвели 4 выстрела: один в князя и три в стороне, куда убежал Яков. У них никакого другого оружия, кроме ружей не было, ни револьверов, ни кинжалов я не видел. Говорили они по-русски и хотя я сам по русски не говорю, но по акценту могу разобрать, говорят ли чисто русские или нет. Мне слышалось, что эти люди говорили с таким акцентом, которым говорят по-русски армяне. У левой моей пристяжной, как выскочили из лесу нападавшие, оборвалась одна постромка, это произошло, во 1-х, потому, что лошадь, испугавшись, рванула, а во 2-х, потому, что и самая постромка была старая. Из экипажа взято нападавшими всего два чемодана и голова сахару. Зачеркнуто: „видал“. При предъявлении мне нападавших я ни в каком случае не признаю их, впрочем нет, если вы мне пред'явите их теперь, то я узнаю, но если в будущем, то не буду в состоянии признать.

Показание прочтено. Неграмотен. Переподчик с грузинского А. Козотов.

[ЦАУГ; ГИА; Ф. ОВД, дело № 17, 1907 г., дело на 290 листах, док. на лл. 21—23].

7. 1907 წ. 4/6 სექტემბერი. დუშეთის მაზრის უზდომს უ. ზაღვანს მიერ წარმოებულ დანითხვებისა და გამოძიებათა ოქმი

1907 года сентября 4-6 дня я, управляющий Душетским уездом кн. Пагава, прибыв в селение Сагурамо для производства дополнительного дознания по поводу убийства члена государственного совета кн. И. Г. Чавчавадзе, получил негласным путем сведения, что в этом убийстве принимал участие прислуга его, покойного кн., житель селения Сагурамо

Гигол Модзгвришвили и, подозреваемый ранее в убийстве бывшего управляющего его Мойсея Мемарнишвили и жены сего последнего, жит. сел. Ахалсопели Павле Пшавлишвили (Апцхаури) и двое неизвестных.

Вследствие сего, приступив к производству дознания, оказалось следующее:

25 или 26 числа минувшего августа месяца, когда кн. И. Г. Чавчавадзе у себя дома, в сел. Сагурамо, ужинал совместно с двоюродным братом кн. Заалом Чавчавадзе и г. Лейст (имя, отчество и место жительство последнего не известно) явился лакей Яков Битаришвили (ныне убитый) [и] доложил, что прислуги во главе с Гиголом Модзгвришвили, с кучером Лабаури просили его, передать кн., что они не будут ужинать, так как таковой не годен. Покойный кн. вспыхнув, приказал управляющему своему г. Джаши принести немедленно и показать ему приготовленную к ужину пищу. Князь, попробовав последнюю, она оказалась хорошей. Это обстоятельство на покойного кн. произвело плохое впечатление и в раздраженном виде, приказал управляющему Джаши истребовать от всех рабочих, не желавших принять пищу —ужин,—расчетные книги, рассчитав их уволить. После сего находившиеся в гостях у покойного кн. Ильи Чавчавадзе двоюродный брат сего последнего кн. Заал Чавчавадзе и г. Лейст, а также и сам управляющий имениями г. Джаши начали упрашивать не делать этого, при чем успокоили его и затем и сами прислуги стали упрашивать кн., не увольнять их, заявив, что они поступили так потому, чтобы довести до сведения его, кн., что повар кормит их плохо. Князь просьбу прислуг уважил.

Опрошенные мною по сему делу кн. Заал Чавчавадзе, пчеловод покойного кн. Даниил Гавриилов Маслов и управляющий г. Джаши вполне подтвердили вышеизложенное обстоятельство, г. же Лейст не мог быть допрошен в виду его отсутствия.

27-го августа покойный кн. с супругою Ольгою, в сопровождении лакея Якова Битарашвили, выехал в г. Тифлис. После отъезда, сейчас же отпратился у управляющего г. Джаши, прислуга Гигол Модзгвришвили под предлогом, присутство-

звать на обручение своего брата, при чем получив одновне-
шний отпуск, ушел взяв с собою 2-х ствольное охотничье
ружье (дробовик). Имея сведения, что он принимал участие
в убийстве кн. Ильи Чавчавадзе, я проверил то обстоятель-
ство, состоялось ли или должно было состояться обручение
у его брата, каковое обстоятельство дознанием не подтвер-
дилось и при опросе самого Гигола Модзгвришвили, послед-
ний заявил, что обручение не состоялось. Вернувшись с от-
пуска не через день, а через три, т. е. 30 августа, вечером,
в день убийства кн. И. Г. Чавчавадзе, Модзгвришвили о при-
чинах просрочки отпуска управляющему давал сбивчивые
объяснения.

При дальнейшем опросе того же самого Модзгвришвили,
последний о [не]своевременном возвращении с отпуска и на
мой вопрос для какой надобности им был взят с собою
ружье, давал сбивчивые показания, ни чем не подтверждаю-
щиеся. Добиты из верных источников сведения, что план
убийства кн. И. Г. Чавчавадзе был составлен в доме же его,
кн., под руководством, как надо полагать, управляющего име-
нием г. Джаши (Джаши человек не благонадежный, до по-
ступления управляющим, как выясняется, состоял в какой-то
тайной организации, в чем подозревают и близкие родствен-
ники убитого князя). Принимали участие в убийстве князя
Ильи кучер Лабаури и прислуга его Гигол Модзгвришвили, а
также житель с. Ахалсопели Павле Пшавлишвили (находя-
щийся в бегах) и двое неизвестных к выяснению личностей
коих приняты самые строгие меры. (Лабаури и Модзгвришви-
ли односельчане соседи, близкие родственники). Приняты та-
кие же меры для добытия более резких улик против управ-
ляющего имением Джаши, принимавшего, как нужно пола-
гать (см. выше) соучастие в убийстве покойного князя. При
добытии таких улик он будет взят под стражею. Кучер Ла-
баури уже взят под стражею и заключен в Тифлисский Ме-
техский замок. Взят под стражею и Модзгвришвили, который
подвергнут предварительному заключению при Душетской
уездной тюрьме с возбуждением пред вр. Тифлисским ген-
губерн. ходатайства о выселении его административным по-
рядком, ибо виновность его нельзя установить свидетельски-

ми показаниями, так как население парализовано террористами и никто не решается дать показание. После задержания Гигола Модзгвришвили, один из почтенных жителей села Сагурамо № подошел и сказал мне секретно, что я попал на верные следы убийства князя, что в оном соучастником является он, Модзгвришвили и, что лакей Битарашвили убит из того именно ружья, которое отобрано мною у Модзгвришвили (ружье действительно отобрано; при вскрытии тела кн. Чавчавадзе, из него были извлечены несколько дроби и простая круглая пуля), при этом добавил, что он почетный, говорит это совершенно секретно и если личность его будет выдана, то его с семейством вместе перебьют, почему он вынужден будет отказаться от вторичного подтверждения этих слов ¹.

[ЦАУГ; ГИА; ф. ОВД. 1907 г., д. № 17, л. 32—33, см. также ф. 36. д. № 162, л.л. 19—20].

8. 1907 წ. 6 სექტემბერი. ტფილისიდან გენ.-გუბერნატორ ტიმოფეევის დაზივრული დეკლარაცია დუშეთის მაზრის უფროს ფალავას.

1907 г. 6 сентября шифрованная телеграмма ген.-губ. Тимофеева Душетскому уездному начальнику кн. Пагава

Предписываю немедленно арестовать Джаши управляющего именем убитого князя Ильи Чавчавадзе исполнение донести номер 15485 ¹.

[ЦАУГ; ИРА., ф. 36, арх. № 160, л. 49].

¹ უგზავნის რა ამ ოქმს გამოძიებულ ილიაშენკოსადმი მიმართულებულ ფალავა სწერს (10/IX):

„Мною вместе с сим возбуждено пред. вр. Тифлисским ген. губ.-ром ходатайство о положении на подвергнутого, предварительному заключению при Душетской уездной тюрьме Гиголы Модзгвришвили трехмесячного ареста, а затем высылки его в отдаленные губернии России, так как виновность его нельзя установить свидетельскими показаниями, так как население парализовано террористами и никто не решается дать показание“ (იქვე ფურც. 32).

² რამოდენიმე დღით უფრო ადრე პოლკ. ვ. ციხოცკი (თბილისის პოლიციისტი) პროკურორს სწერდა: „думаю нужно арестовать управляющего“ (იხ. საქ. ცენტრარქივი ფონდი 36, საქმე № 163, ფურცელი 14), ხოლო ფალავან გამოძიების პირველდღეებშივე მიიტანა ექვი დ. ჯაშხი).

**9. 1907 წ. 7 სექტემბერი. ილია ჭავჭავაძის დასა-
თიდას გადაცემის შესახებ და ბუილისში დაკრძალ-
ვის განაწესი**

1907 г. 7 сентября. Порядок перенесения и погребения тела скончавшегося кн. Ильи Григорьевича Чавчавадзе

Прах почившего будет перенесен из сел. Сагурамо в Тифлис в пятницу, 7-го сентября. В Тифлис прах прибывает в этот день к 2 часам дня, к каковому часу все участвующие в церемонии встречи тела должны прибыть к началу военно-грузинской дороги (у креста). Все собравшиеся для встречи располагаются в следующем порядке.

- 1) Духовенство во главе с Преосвященными.
- 2) Инославное духовенство.
- 3) Родственники почившего и дамы.
- 4) Представители грузинской, армянской, русской и татарской прессы во главе с Акакием Церетели и бывшие сотрудники газ. „Иверия“.
- 5) Представители об-ва распространения грамотности среди грузин.
- 6) Представители грузинского дворянства Тифлисской и Кутаисской губерний.
- 7) Представители Тифлисского городского самоуправления и других кавказских городов.
- 8) Представители Тифлисского Дворянского Земельного Банка, Кутаисского Михайловского Земельного Банка, Тифлисского о-ва взаимного сельско-хозяйственного кредита и др. кредитных учреждений.
- 9) Представители ст. крестьян и рабочих.
- 10) Представители об-ва дворян для содействия нуждающимся в обучении.
- 11) Представители Грузинского Драматического Общества, артистов грузинской драматической труппы и армянск. драм. о-ва.
- 12) Представители Грузинского Филармонического о-ва и груз. опер. арт.

13) Представители грузинского благотворительного о-ва.
14) Представители Кавказского о-ва сельского хозяйства.

15) Представители присяжной адвокатуры.

16) Представители учеб. завед., грузинской мужской частной гимназии, груз. женской част. гимназии, Казбекской женск. прогимназии, Цинамзгвариант-карской сельско-хоз. школы, школы кройки и шитья и др. уч. заведений.

17) Представители о-ва Землевлад. Горийского уезда.

18) " " "Кахетия".

19) " Т-ва "Дзмба".

20) " о-ва "География".

21) " о-ва "Взаимопомощи содерж. гост".

22) " о-ва "Взаимопомощи мелких торговц".

23) " о-ва прикащиков.

24) " других обществ.

25) " цеховых корпораций.

После краткой литии и произношения речей шествие направится при перезвоне на ближайших церквях и закрытии магазинов на время прохождения процессии в следующем порядке.

От креста по Ольгинской ул., Головинскому проспекту, и Сионской ул. к Сионскому собору.

1) Хоругви, кресты и иконы.

2) Крышка гроба).

3) Хор певчих.

4) Венки в порядке указанном на стр. 1-ой.

5) Хор певчих.

6) Учащиеся по четыре в ряд.

7) (Хор певчих).

8) Духовенство.

9) Колесница с гробом по бокам которой следуют представители прессы и о-ва распространения грамотности.

10) Родственники почившего и дамы.

11) Депутации в указанном на стр. 1-ой порядке.

12) Цеховые со значками.

13) Все желающие почтить память усопшего.

По прибытию к Сионскому собору гроб с колесницы снимают и вносят в собор и устанавливают следующие лица: Акакий Церетели, Антон Николаевич Пурцеладзе, Н. З. Цхетадзе, Я. С. Гогебашвили, Артур Лейст, кн. Г. А. Багратион-Давыдов, кн. Д. О. Нижарадзе, кн. И. С. Чавчавадзе, кн. В. Н. Черкезов, М. З. Чавчавадзе, представители прессы и представители городов Кутаиса, Поти и Батума.

По внесении гроба в церковь будет отслужена краткая панихида во время которой у гроба устанавливается дежурство из представителей прессы, крестьян, рабочих и представителей общественных учреждений. Венки вносятся в церковь и складываются у гроба.

Суббота 8 сентября.

Панихида и дежурство у гроба.

Воскресенье 9 сентября.

Начало обедни в 8 час. утра, отпевание к 10 час. утра, к каковому часу в собор прибывают указанные депутации.

После отпевания гроб выносится теми же лицами и устанавливается на колесницу, после чего процессия движется в указанном порядке по Сионской ул., Эриванской пл., Дворцовой ул., при чем у Караван-Сарая Дворянства будет отслужена краткая лития, по Головинскому проспекту, по Чавчавадзевской, Межевой улицам, Давыдовской пл., откуда гроб переносится на руках в монастырь Св. Давида, где состоится погребение.

Верно: Секретарь двор. И. Зурабов

[ЦАУГ; ИРА., фонд 36, арх. № 160, л. л. 46—47].

10. 1907 წ. 15 სექტემბერი. ეპიტაფიის მიერ წარმოდგენილი და დაკრძალვა მქონი.

1907 г. 15 сентября. Протокол Заведывающего сыскной частью при управлении Тифлисского полицеймейстера Евтушевского

Я, Заведывающий сыскной частью, помощник пристава—Евтушевский, принимая меры к розыску убийц кн. Чавчавадзе прибыл в имение покойного, находящееся в Душетском

уезде Тифлисской губернии под названием „Сагурамо“, где мною было добыто следующее:

Новый управляющий имением покойного кн. Димитрий Софронович Джаши принадлежит к партии социал-демократов и за разные политические дела содержался одновременно три раза в тюрьме. Кроме того при моем с ним разговоре заявил, что его партия, никакого участия в убийстве кн. Чавчавадзе не принимала и что убийство совершено на аграрной почве, так как покойный князь жестоко обращался с крестьянами. Из дальнейшего наблюдения за Джаши я вывел заключение, что произвожу на него неприятное впечатление. Это ясно выразилось в его нервном настроении и в рассеянном поведении. Видно было мне, строго наблюдающему за ним, что в лице моем Джаши чувствует своего врага и что я разспросами, ловко и неожиданно поставленными ему вопросами добираюсь до самого для него важного, т. е. участия его в убийстве князя. Тогда он желая увильнуть от этого вопроса тактично перевел разговор на другую тему, после чего заявил, что его жена два месяца тому назад знала, что убьют князя Чавчавадзе, но об этом кроме ему никому не говорила и не предупреждала господ. Получив такое неожиданное признание я сейчас же допросил его жену, которая показала, что зовут ее Дарья Николаевна Джаши. что во время ея приезда в „Сагурамо“, она познакомилась с горничной княгини Чавчавадзе Пелагеей Мкурналидзе, которая по секрету сказала ей, что: „как вы не бойтесь сюда приезжать, жить“, при этом добавила, что знакомые ея в Тифлисе предупреждали о том, что в скором времени князя убьют и чтобы она была осторожна и никогда бы вместе с ним не ездила“. Узнав этот секрет она Джаши боясь кому-либо открыть его, но при этом добавила, что за несколько дней до убийства она разговаривала и с кухаркой Софией Димитриевной Ундилишвили, которая также сообщила ей, что бывший в имении повар Харитон говорил, что скоро убьют кн. Чавчавадзе.

Спрошенная Софья Димитриевна Ундилишвили неохотно под страхом смерти или мщенья, со слезами на глазах сказала мне, что бывший повар Харитон, фамилии его не

знает, за несколько дней до убийства кн. передал ей, что князя убьют за то, что он притесняет крестьян и кроме того за то, что партия недовольна князем за поступление его членом государственного совета. В более подробный разговор она с ним не вступала и Харитон имени убийц не назвал, но наверно их знает.

Спрошенный мною по обстоятельствам дела, урядник Эмец показал, что он с двумя стражниками собирался ехать из „Сагурамо“ по делам службы; в это время к нему подошел управляющий Джаши и сказал: „я тоже с вами поеду“. „Когда выехали из имения по направлению к Мцхету, дорога шла лесом, управляющий завел разговор с ним по адресу князя, это было около 11 часов утра. Разговор шел на разные темы и больше всего приезда князя. При этом Джаши говорил, что кн. должен был приехать 27 августа, но по некоторым причинам остался до 30-го числа, т. е. до дня убийства, и „вот мы сейчас увидим экипаж“, но в продолжении получаса я и мои стражники ружейных выстрелов или эха по лесу не слышали; и Джаши повторял твердить что скоро увидим экипаж, и действительно, как только мы свернули из лесу на дорогу, то увидели на расстоянии 100 саженей экипаж князя, стоящий поперек дороги по направлению дышлом к горам. Я прищпорил лошадь и поскакал по направлению к экипажу и в это время заметил шедшего мне навстречу кучера князя Теодор Лабаури, который остановив меня рассказал об убийстве князя. На мой вопрос зачем ты пошел от экипажа, он ответил, что было 4 разбойника и один ударил его по спине от чего он упал с козел и побежал в кусты, чем и спасся от разбойников. Кто были разбойники он не знает, но когда мы подошли к месту убийства глазам моим представилась следующая картина: около экипажа, в сидячем положении полуживая княгиня, опершись об экипаж сидела на земле, покачиваясь туловищем; все лицо ее было залито кровью, князь почти рядом, лежал на дороге лицом вверх, которое было все в крови и без признаков жизни. Лакей Яков около пятидесяти шагов ниже по уклону горы между кустами лежал вниз лицом мертвым. По всем трем жертвам видны были следы грабежа: карманы выворочены и все находившееся при них взято. С лакея Якова сняли с ног сапо-

ги. Осмотрев картину и сделав нужные заметки распорядился всех трех доставить в дом покойного, а сам лично с стражниками бросился во все стороны за поимкой преступников, но безуспешно. Из моего разговора и наблюдения с управляющим нахожу, что он все время держал себя очень странно. Во время разговора со мной при такой печальной картины, он произнес между прочим: „Ну слава богу, что и княгиню убили“. Эти слова меня так поразили, что я никак не мог понять, почему он мне это сказал. При этом заявляю, что признаю себя виновным в том, что во время допроса следователя по особо-важным делам, я был очень разстроен и рассеян и не показал такого важного обстоятельства, как произнесенные Джаши слова: „ну слава бога, что и княгиню убили“. Теперь я вижу по ходу дела, что эта фраза имеет особо важное значение. Кроме этого Джаши все время после преступления вел себя подозрительно, часто отлучался из имения и где был никому об этом не говорил. Более по этому делу ничего не знаю“.

Во время моего разговора с управляющим Джаши он между прочим упомянул, что ему прислали угрожающее письмо и тут же передал его мне. Содержание его оказалось следующее: „Управляющий! предупреждаем, если ты в течении трех дней не оставишь Чавчавадзеvскими именениями управлять и не уйдешь оттуда, тогда тебя постигнет такая же участь как и первого управляющего. Даем три дня сроку. По доверенности тамошних партийных рабочих“. Перевод сделал с грузинского на русский чиновник сыскной части Пицхелаури.

Из этого обстоятельства я усматриваю, что Джаши желал этим подчеркнуть свою невинность, или лучше сказать непричастность, к делу убийства. Постановил: записать об изложенном в настоящий протокол.

П р о т о к о л.

1907 г. сентября „ . . . „ дня. Я, заведывающий сыской частью, при управлении Тифлисского, помощник пристава Евтушевский, исполняя поручение г. судебного следователя Тифлисского окружного суда по особо-важным делам Илля-

шенко, об установлении личности и примет убийц кн. Чавчавадзе (установил) добыл следующее: одного из них Павел Георгиев Пшавлишвили он же Апциаури—приметы следующие: 25 лет, рыжеватый, небольшая клинушкой борода, большие странные глаза навывкат, крестьянин сел. Ахалсопели Душетского уезда Тифлисской губернии.

Второй житель с. Ахатени Душетского уезда Гигол Дарчоев Бербичашвили 25 лет, роста выше среднего, плотный, моложавый на вид. рыжеватые волосы, с небольшой рыжей бородкой, лицо рябое.

Означенные лица, по агентурным сведениям, по совершении преступления направились в г. Тифлис в предместье „Нахаловку“.

Заведывающий сыскною частью,
помощник пристава—Евтушевский

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г. ф. ОВД; Дело № 17 л. л. 78, 80 - 1].

**11. 1907 წ. 17 სექტემბერი. ილიაშენკოს მიერ გაზ.
„Тифлисск. Листок“-ის რედაქტორ ივ. ხაჩატურო-
ვის დაკითხვის ოქმი.**

1907 г. 17 сентября. Протокол. Судебный следователь по важным делам Тифлисского окружного суда Ильяшенко допрашивал поименованного с соблюд. 443 ст. У. У. С. и он показал:

Хачатуров Иван Григорьевич, редактор газ. „Тифлисский Листок“, армяногригор., 57 л.

Управляющего покойного кн. И. Г. Чавчавадзе Джаши я знаю, так как он прослужил у меня около двух месяцев, поступив в конце февраля этого года. У меня Джаши был наборщиком телеграмм и взял я его к себе собственно по рекомендации союза рабочих. Он сам называл себя социал-демократом, но за сравнительно короткую его у меня службу, он показал себя с такой стороны, что я имею все основания считать его прямо анархистом. Он терроризировал рабочих, сеял смуту и устроил у меня забастовку. Едва-едва удалось избавиться от него, при чем и по уходе своем он.

успел во время моего временного отсутствия вытянуть деньги у лица управлявшего редакцией. Тоже самое проделал он и в типографии „Гуттенберг“, где работал одно время. Я слышал, не помню от кого, что на место управляющего в Сагурамо Джаши попал благодаря сестре покойного князя Сагиновой. Слышал я также и о том, что этот же Джаши играл какую-то роль у убитого содержателя Банковского сада Схиртладзе и что у них дело дошло до суда, но об этом вам лучше расскажет вдова Схиртладзе живущая на Судебной улице в собственном доме. Помню хорошо, что уже после того как Джаши оставил у меня службу и получил полное и всяческое удовлетворение, он как-то при встрече угрожал мне и обещал, что сведет еще со мной свои счеты.

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г. ф. ОВД, Дело № 17. л. 59. 59 об.].

12. 1907 წ. 17—22 სექტემბერი. დუშეთის მაზრის უბოლს უარაგან ფაღვას მიერ წარმოდგულ ბა- მოძიებათა ოქმი.

1907 г. 17-22 сентября. Протокол. Я управляющий Душетским уездом кн. Пагава, прибыв в сел. Сагурамо, приступил к дополнительному производству дознания по делу убийства члена государственного совета кн. И. Г. Чавчавадзе, имевшего место в местности „Цицамури“, 30 числа минувшего августа месяца, при чем выяснилось, что убийцами кн. И. Г. Чавчавадзе, помимо жителей селений: Ахалсопели—Павла Апциаури (он же Пшавлишвили), который с 7 июня месяца с. г., т. е. после совершения им убийства управляющего тогда именными кн. И. Г. Чавчавадзе—Моисея Меманайшвили находится в бегах, и Сагурамо—Гиголы, Модзгвришвили, подвергнутого предварительному заключению при Душетской уездной тюрьме, являются еще и жители селений: 1) Цицамури—Солка Шермадини (зять находящегося в бегах Павла Апциаури), 2) Ахатани—Гигола Бербичашвили, который подлежал высылке административным порядком, розыскивается давно администрацией, от коей он скрывается и 3)—Ахалсопели—бывший Сагурамский старшина Иван Инашвили, находящийся в бегах и скрывающийся от властей.

Этот самый Инашвили является первым агитатором против помещиков; в особенности он вел пропаганду против убитого кн. И. Г. Чавчавадзе, говоря, что последний не только не дает крестьянам земли, но даже—свободно вздохнуть. Кроме сего выяснено, что соучастником в убийстве, помимо кучера Тедо Лабаури, ныне содержащегося в Тифлисском Метехском замке, является и житель сел. Цицамури—Андро Кахаберашвили, передавший убийцам ружье свое „берданку“. Подобные о сем сведения собираются и после он, Кахаберашвили, будет взят под стражу. Руководителями убийства являются управляющий имениями кн. Чавчавадзе—Димитрий Софронович Джаши, сведения о коем изложены в протоколе моем, от 5-6 сего сентября, и житель с. Головани—Лаврентий Георгиев Асатиани. Что Джаши руководил этим убийством, доказывается еще словами его, („Слава богу и она убита“), произнесенными им, в присутствии урядника Емца, в то время когда он, Джаши, под'ехал к месту происшествия и увидел лежавших кн. И. Г. Чавчавадзе и жену его Ольгу. Джаши полагал, что жена убита, так как она лежала без всякого признака жизни. Что-же касается Лаврентия Асатиани, то последний за подстрекательство крестьян против помещиков в Сагурамской долине был выслан из пределов Тифлисской губернии и недавно административное взыскание это было сложено с него. Если Асатиани не руководил убийством кн. И. Г. Чавчавадзе, то к чему было ему в день убийства последнего заявлять проезжавшему со стражниками через сел. Головани уряднику Емцу, который Асатиани не спрашивал ни о чем, чтобы он узнал, что он, Асатиани, никуда не отлучался, работает у себя дома, дабы после не пало бы на него какое-либо подозрение по поводу убийства кн. И. Г. Чавчавадзе.

По собранным негласным путем сведениям, жители селений: Ахалсопели—Павел Апциаури (Пшавлишвили) и Цицамури—Солка Шермадини были посланы в Тифлис, узнать о дне приезда оттуда в сел. Сагурамо убитого князя. Они из Тифлиса вернулись в день убийства, рано утром. Были очевидцы того, как они после возвращения из Тифлиса, переправлялись через р. Арагву в сторону Сагурамо, где они

нужно полагать, передали о предполагаемом в этот день приезде кн. И. Г. Чавчавадзе своим сотоварищам, долженствующим принять участие в убийстве, и они, собравшись, устроив засаду, совершили убийство его.

Что Сандро Шермадини является соучастником в убийстве кн. И. Г. Чавчавадзе, явствует из нижеследующего: за месяц, до убийства кн., в саду последнего, в сел. Цицамури, забралась свинья сказанного Сандро. Она была подстрелена садовником Бесо Гогава. Шермадини отправился в сел. Сагурамо к кн. И. Г. Чавчавадзе с жалобой на Гогава, который в это время находился тоже в сел. Сагурамо. Князь, выслушав жалобу, поступок Гогавы одобрил, приказав последнему убивать и в будущем не только свиней, но и какое-либо животное, если крестьяне будут пускать их в сад. Шермадини, уходя со двора, сказал, что он не будет человеком, если в скором времени не уложит князя вместо свиньи. Слова эти хорошо расслышал пчеловод Маслов.

Постановлено: вышеизложенное записать в настоящий протокол, каковой препроводить судебному следователю по особо-важным делам Тифлиссского окружного суда г. Ильяшенко, одну копию с него представить господину вр. Тифлисскому ген. губ., прося его прев. о высылке поименованных в нем лиц, на случай оправдания их судом, административным порядком в отдаленные северные губернии России, другую же копию представить для сведения господину Тифлисскому губернатору.

[ЦАУГ: ГИА; 1907 г., ф. ОВД; Дело № 17, лл. 103—104]. См. также [ф. 36, д. № 160 лл. 22—23].

13. 1907 წ. 18 სექტემბერი. ილიაშენკოს მიერ მოღ. და ჰავეზავაძის დაკითხვის ოქმი.¹

1907 г. 18 сентября. Протокол. Судебный следователь по важным делам Тифлис. окр. суда Ильяшенко допрашивал поименован. с соблюдением 307 и 443 ст. У. У. С. и она показала:

¹ ოლღა ჰავეზავაძის დაკითხვა აქამდე ვერ მოხერხდა, რადგან თავდასხმის დროს მიღებულ ჭრილობათაგან იგი უგრძნობელ მდგომარეობაში იყო. იხ. აქვე, დოკუმ. № 5 და 12.

Кн-ня Чавчавадзе Ольга Фадеевна, 64 л.; правосл. живу на Андреевской ул., дом собственный.

Минувшего 30 августа, часов 9—10 утра, точно не помню, я вышла из Тифлиса с мужем моим кн. Ильей Григорьевичем в своем экипаже и на своих лошадях. Вез нас кучер Тедо и на козлах с ним сидел наш лакей Яков. В этот день был очень сильный ветер, особенно на Дигомском поле и я потеряла даже свою шляпу, после чего закуталась с головой в плащ. По дороге мы раза два-три останавливались и последний раз поили лошадей в духане около сел. Цицамури. Что случилось с нами потом я решительно ничего не помню; кем было произведено нападение, сколько было нападавших, как они были одеты, каким образом я была поранена, что происходило в это время с моим мужем ничего положительно не знаю. Я помню только, когда меня уже после нападения везли вероятно в Сагурамо. Кажется тогда я говорила кому то по-грузински, что вы делаете и просила чтобы пустили мою руку, которую очевидно кто то держал. Помню еще, что я не хотела подниматься в верхний этаж своего дома и просила, чтобы меня оставили внизу. Из вещей взятых нами из Тифлиса были следующие: во 1-х небольшой сак-воляж желтой кожи, потом такого же приблизительно цвета чемодан с секретным замком, портфель и маленький сак. Я везла в них платье свое и мужа белье разное и столовое, между прочим, дюжину ложек столовых и чайных, ножей и вилок, ложки были не серебряные, а фразе. В маленьком моем саке были письма мужа, книжка псалмов Давида и разная мелочь. Я знаю, что у мужа должны были быть деньги, их принесли ему накануне из Банка, но сколько было не знаю. Лежали они у него в бумажнике, где были также и разные бумаги, кроме того у мужа был кисет для мелких денег. Когда я приехала в Сагурамо у меня не оказалось моей брошки, которая была надета на мне. Я помню, что в числе писем моего мужа было одно написанное мне в июле этого года из Сагурамо, в котором он сообщает, что управляющий Джаши оказался лгуном и не добросовестным и что он, князь придет, когда найдет нового управляющего. В июле муж мой недели две жил в Сагурамо без меня, я же была

в Тифлисе. Когда меня везли раненную в Сагурамо мне показалось, что меня поддерживает человек, который был среди нападавших. Кто меня поддерживал я тогда не знала, но у меня явилось неприятное чувство по этому человеку. Я конечно не могу сказать положительно, что он был с нападавшими, но во всяком случае кто нибудь из нападавших был похож на него. Приписал: „был“. Из белья меченное было только белье мужа, на нем была шитая красными грузинская буква „ო“. На бумажнике у князя были две серебряные буквы И. Ч. (по-русски). Кто мне помог выйти из экипажа в Сагурамо я решительно не помню:

[ხელს აწერს]: ოლა თადევოზის ასული ჰავეკავაძისა.

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г., Ф. ОВД, Д. № 17, л. л. 61—62].

14. 1907 წ. 19 სექტემბერი. ილიაშენკოს მიერ დარია ჯაშის დაკითხვის ოქმი¹

1907 г. 19 сентября. Протокол. Судебный Следователь по важным делам Тифлисского окружного суда Ильяшенко допрашивал поименов. с соблюдением 143 ст. У. У. С. и она показала:

Джаши Дария Николаевна, 18 лет, православная, (из сел. Хидистави Озургетского уезда Кутаисской губ.) живу на Ведзинской ул. дом Гогиашвили № 28 (2 уч.).

Я вышла замуж за Дмитрия Джаши всего второй год. Знаю, что муж мой был раньше наборщиком в газете „Иверия“, когда она принадлежала покойному кн. Чавчавадзе. Потом он служил в других редакциях и даже сам стал писать в газете. Последнее время муж работал в типографии „Тифлисского Листка“, откуда хотя и ушел в апреле этого года, но в виду забастовок продолжал получать содержание до июля месяца, когда его и взяли к себе управляющим кн. И. Г. Чавчавадзе. Последнему его рекомендовала г-жа Сагинава, сестра князя. Она принимала большое участие в моем муже, которого знала давно и хотела сначала устроить

¹ ამ დროისათვის დიმიტრი ჯაში უკვე დაპატიმრებული იყო; ილიას დისა და დიმიტრი ჯაშის ნაცნობობის შესახებ იხ. აქვე დოკუმენტი № 15.

его в Дворянском Банке, но когда это два раза не удалось по ходатайству Сагиновой князь его взял к себе. Муж мой поехал в Сагурамо вместе с покойным кн. в конце июня месяца и вернувшись через неделю взял туда и жену в начале июля. Потом сам кн. поехал в Тифлис и привез вскоре с собою княгиню. С нею же приехала и женщина для услуг Пелагея, а дня за два до этого был прислан повар Харитон. Спустя несколько дней эта Пелагея разговорилась со мною, узнав, что я, как и она гурийка и тогда же сказала мне между прочим, что когда она собиралась с князем ехать в Сагурамо, то ее предупредили—кто именно она не говорила—чтобы она лучше не ехала, так как князя Чавчавадзе все равно собираются убить. Тоже самое я слышала и от служащей в имении женщины Софьи, которая печет хлеб, а Софье рассказал об этом повар Харитон. Я с своей стороны передала все слышанное мужу своему и высказала, что я боюсь здесь жить, но он меня успокоил, уверяя, что ничего подобного не может быть с таким человеком, как князь и при этом муж указал мне на заслуги кн. и вообще на положение, которое он занимал в обществе. Пелагея говорила мне еще, что князя собираются убить с тех пор как он был избран членом государственного совета.

Когда вы приезжали в Сагурамо 2—3 сентября муж мой никуда не отлучался из дому, но часов около двух 3 числа я его искала, так как его нигде не было. Потом оказалось, что уставший он зашел в пустую комнату, прилег там и заснул. Я нашла его только после обеда и даже потом приготовила ему особо поесть. В среду 5-го числа муж мой ездил действительно верхом в Тифлис, он выехал в 4 часа дня и остановился в Тифлисе, там же где я живу сейчас. Этот дом принадлежит гурийцам и мы в нем жили и до отъезда в Сагурамо. Цель поездки мужа в город заключалась в том, чтобы повидаться с депутатами, которые должны были прибыть в Сагурамо на вынес тела князя. Муж хотел предупредить их, чтобы они в этот день не приезжали, так как в доме нет ни постелей и вообще ничего необходимого, чтобы принять их. С кем виделся при этом муж не знаю.—О том, что должны были прибыть депутаты муж мой узнал из газет. По-

чему он не зашел в городе к князю Заалу Чавчавадзе не знаю, вероятно не успел, ибо торопился вернуться обратно. Встретился ли он по дороге в город с посланным к нему в Сагурамо князем Заалом Чавчавадзе не знаю, я не помню, чтобы в этот день 5-го числа приехал кто-нибудь в Сагурамо от кн. Заала.

Когда привезли 30 августа в Сагурамо израненную княгиню в экипаже ничего не было кроме бурдюка с вином и двух бутылей в корзинках тоже с вином. Чемоданы и голова сахару, которую они везли с собою, были взяты нападшими. Только в заднем ящике экипажа остались еще подушка, черкеска лакея Якова и купальный халат княгини.

Муж мой 30 августа выехал в Цицамури, чтобы отпустить садовнику бочки, так как там приготавливались к выжиманию винограда. Отправился он в часов 11 дня, а если бы уехал раньше, то и его могли бы убить. Он собственно хотел поехать еще накануне перед вечером, в сумерках, но Софья, да и все другие во дворе стали убеждать его не ехать, говоря, что вечером опасно и он послушав их поехал на другой день.

[ხელს აწერს] დარიო ჯაში.

[ЦАУГ; ГИ; 1907 г. Ф. ОВД, Дело № 17, лл. 65—66].

15. 1907 წ. 24 სექტემბერი. ილიაშენკოვ მიერ ელი-
საბედ საბინაშვილის (ილიას დის) დაკითხვის
ქმნი.

1907 г. 24 сентября. Протокол. Судебный следова-
тель по важным делам Тифлисского окружного суда Илья-
шенко допрашивал поименов. с соблюдением 443 ст. У. У. С.
и она показала:

Сагинова Елисавета Григорьевна 67 л. правосл. живу
на Николаевской ул. в собственном доме № 7.

Управляющего моего покойного брата Ильи Григорье-
вича Чавчавадзе Джаши я впервые узнала весной этого года
месяцев 5 тому назад приблизительно. В первый раз он явил-
ся ко мне как то утром, когда я еще спала и его не приня-
ли, тем более, что вообще надо было быть осторожной в от-

ношении людей совершенно неизвестных, так как и тогда получала угрожающие письма и между прочим получила письма с требованием 2.000 рублей. В нем меня предупреждали, что если я не дам денег, то со мною расправятся как с Кишмишевым, который был убит на улице. Потом Джаши явился как-то с письмом и в нем просил помочь ему в его бедственном положении. Я дала тогда Джаши пять рублей, ибо, по наведенным мною справкам оказалось, что он заслуживал помощи. Особенно хорошие отзывы дал мне о Джаши мой друг Чрелаев, секретарь городской управы. После этого я принимала участие в судьбе Джаши и охотно помогала ему по мере возможности тем более, что и сама я вспомнила это лет 11 тому назад еще почти мальчиком видела этого Джаши в типографии газеты „Иверия“ издававшейся моим покойным братом. Когда же приехал последний этим летом и искал себе управляющего на место убитого в Сагурамо, я говорила между прочим Чикваидзе, другу кн. Ильи Григорьевича, что было бы очень хорошо, если бы брат взял к себе именно Джаши. Чикваидзе указал брату на Джаши, он понравился и вопрос о нем был решен. Никто и никогда не говорил мне о том, что если я устрою Джаши, то избавлю себя от получения угрожающих писем и потому ничего подобного не рассказывала. Я знаю, что и покойный брат мой получал письма подобные тем, какие получала я; но он на них не обращал никакого внимания и советовал мне также относиться к ним, когда я высказывала ему, что письма эти беспокоят меня. Какие основания были у Чрелаева рекомендовать Джаши и откуда он знал его мне неизвестно и я об этом Чрелаева не спрашивала. К какой партии принадлежал Джаши я также не знаю, мне ни с кем не приходилось говорить об этом. Когда брат приехал сюда 27 августа он не зашел ко мне ни разу, только прислал мне с человеком своим виноград и поручил последнему не говорить мне, что он в городе. Потом я узнала, не помню от кого, что покойный брат все время, до отъезда своего обратно в Сагурамо 30 августа, искал здесь какую-то нужную ему деловую бумагу.

[ხელს აწერს] ელისაბედ გრიგორის ასული საგინოვისა.

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г. ф. ОВД; Дело № 17 лх. 97—98].

16. 1907 წ. 13. ოქტომბერი. დიმიტრი ჯაშია,
თხოვნა ილიაშენაკოსადმი

1907 г. 13 октября. Его высокородию следователю по особо-важным делам при Тифлисском окружном суде, г-ну Ильяшенко. Содержащегося в Метехском замке управляющего имениями убитого члена государственного совета князя И. Г. Чавчавадзе, Дмитрия Сопроновича Джаши. Прощение.

Находясь в течение целого месяца в предварительном заключении сначала при Душетской уездной тюрьме, а с 6-го октября—при метехском тюремном замке „по подозрению в соучастии в убийстве кн. И. Г. Чавчавадзе“, как гласит переписка отношения властей обо мне,—я на протяжении столь длинного периода жду тщетно конца моего заключения, но до сего времени не могу дожидаться не то что конца моего заключения, но даже и начала следствия, результатом коего было бы, несомненно, мое освобождение из под ареста,—я в этом глубоко убежден, так как считаю свое заключение безусловно незаконным и основанным на ошибке и недоразумении и, вдобавок к этому, ни к каким практическим выводам для выяснения этого покрытого в тумане гнусного преступления не приводящим. Кроме всех нравственных и физических мучений, переносимых мною в течение этого периода, я наказан еще, к великому моему изумлению, и лишением свидания с моей семьей, брошенной на произвол судьбы без всяких средств к существованию, холодной и голодной с грудным 5-ти месячным ребенком, без всякого с моей стороны присмотра и поддерживаемой исключительно добрыми людьми. В виду этого, покорнейше прошу в высшие пожаловать в метехский замок для производства дознания и следствия и покончить с этим позорящим мою честь и доброе, ничем незапятнанное имя арестом и тем дать мне возможность, во-первых, смыть с себя эти позорные пятна и клеймо и, во-вторых, открыть мне поле деятельности, как человеку, более всех, чем кто либо другой, интересующемуся

¹ დ-მ. ჯაში დაპატიმრებიდანვე საშუალოდ თითქმის ყოველ კვირაში ერთხელ მაინც მიმარაუვდა ზოლზე თხოვნით სათანადო თანამდებობის პირებს; აქ ვათავსებ ერთერთ მათგანს.

этим наглым убийством и близко всех стоящему в последние три месяца к покойному кн. Илье лицу, могущему помочь властям к раскрытию этого неслыханного национального преступления.

Кроме этого, сообщаю вашему выс-дию, что мною в редакцию газеты „Закавказье“ отправлена довольно пространная статья, имеющая по моему глубокому убеждению, общественное значение и могущая послужить к пользе для обнаружения виновников вышеназванного преступления, но до моего сведения дошло, что редактор газ. „Закавказье“, по каким-то мне неизвестным соображениям, не находит возможным напечатать ее. Поэтому прошу ваше выс-дие дать себе труда, ознакомиться с этой статьей в редакции „Закавказье“ и понудить редактора г. Парфена Александровича Готуа напечатать ее без сокращения, если, конечно, найдете, что эта моя статья может послужить к пользе для дела хотя-бы на иоту.

А до тех пор повторяю вашему выс-дию мою нижайшую просьбу не медлить прибытием в Метех для ускорения производства дознания и разрешить моей жене, Дарье Николаевне Джаши, свидание со мной, как того требует канцелярия г. вр. Тифлисского ген. губ.

С покорнейшею просьбою, управляющий именными покойного кн. И. Г. Чавчавадзе,—Дмитрий Сопронович Джаши.

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г., Ф. ОВД; Дело № 17, л. 134—135].

17. 1907. წ. 16 ნოემბერი. ილიაშენკოს მიერ თ. ლაბაურის დაკითხვის ოქმი¹

1907 გ. 16 ნოემბერ. Протокол. Метехский Замок. Судебный Следователь Тифлисского окружного суда по важным делам Ильяшенко передопрашивал поименов. с соблюдением 403—407 ст. У. У. С. и он показал: Лабаури Тедо Захарович.

До настоящего времени, из опасения, что пострадает все семейство я не решался сказать всей правды о том, как убили кн. И. Г. Чавчавадзе и кто были его убийцами. Теперь же, несмотря на сделанные угрозы, я решил сказать все. Ког-

¹ თ. ლაბაურის პირველი დაკითხვის ოქმი ნახე აქვე, დოკუმენტი № 6.

да мы ехали от селения Цицамури первым из засады выскочил ахатинец Гигола Бербичашвили—это тот самый, относительно которого я говорил раньше, что он отбывал со мною военную повинность. Бербичашвили крикнул остановиться, покойный же князь в свою очередь крикнул мне гнать лошадей. Я погнался, но так как лошади были уже уставши и кроме того дорога грязная, злоумышленники успели забежать вперед и остановить лошадей. Бербичашвили проскочил перед лошадьми на другую сторону дороги. В это именно время лакей Яков, очевидно испугавшись, соскочил с козел и бросился бежать в кусты к Арагве. У него в руках было ружье. Погнался ли кто за Яковым и кто именно я решительно не заметил, так как едва Яков соскочил с козел Бербичашвили выстрелил в князя. Это был первый выстрел. Князь тогда сидел в фаэтоне и я увидал, что после выстрела он выпалился на дорогу. Кто-то, но кто именно забежал со стороны княгини я не припомню. Я повторяю, что не видал как ее били по голове, но что у нея голова была разбита это я помню. Всего было произведено, по моему четыре выстрела, но кто стрелял кроме Бербичашвили не могу вам сказать. Повторяю: не видал как убили Якова и не знаю стрелял ли он сам или нет. После того как князь был убит я видел, что и его, и княгиню обобрали Бербичашвили и Инашвили. С княгини сняли брошку, когда она еще находилась в фаэтоне. Каким образом она очутилась потом на дороге, рядом с князем, т. е. на стороне противоположной той на которой она сидела, объяснить не могу. Вытащили ее или она сама как-нибудь упала на дорогу, я не заметил. Когда уже все было кончено напавшие обратились ко мне со словами, чтобы я, когда меня станут спрашивать о происшедшем говорил бы только, что те, которые напали были одеты в офицерское платье и имели на головах папахи; если же я посмею сказать, что они были в черкесках и башлыках, то обещали спалить мой дом и перебить всю мою семью, состоящую из матери и двух братьев. Затем все они захватив награбленные вещи, пошли сначала по дороге обратно, т. е. к Цицамури, и, свернув в лес, в том месте откуда выскочили впервые, направились в гору. Я уже сказал вам, что в

числе напавших были Пшавлишвили и Ахатинец, которого не назвал по имени. Этого Ахатинца зовут Гигола Бербичашвили. Теперь я называю и остальных двух, так как всех было четверо, как я говорил с самого начала. Третий был бывший старшина сел. Ахалсопели Ванო Инашвили и четвертый служивший у нас в Сагурамо, у князя Гиго Модзгвришвили. Повторяю, что все четверо были с ружьями. Кто унес ружье бывшее у Якова я не заметил и того, был-ли ктонибудь из нападавших ранен. Вот вся правда и все что я знаю. Не грамотен.

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г., Ф. ОВД; Дело № 17 „Об убийстве члена государственного совета кн. И. Г. Чавчавадзе, л. 161—162].

18. 1907 წ. 1 დეკემბერი. ილიაშენოს მიერ დ. მასლოვის დაკითხვ ს მპ-ი.

1907 г. 1 декабря. Протокол. Судебный следователь по особо-важным делам Тифлис. окружного суда Ильишенко допрашивал поименов. с соблюдением 443 ст. У. У. С. и он показал: Маслов Даниил Гаврилович, 34 л., правосл. живу в сел. Сагурамо в имении кн. Чавчавадзе (житель Тульской губ. Беляевского уезда, Снытовской вол. сельцо Кондратово).

Я служу в имении покойного кн. И. Г. Чавчавадзе пчеловодом уже пятый год. Когда я только что приехал на это место жизнь в деревне текла обычным мирным порядком, но уже кажется в 1904 году крестьяне начали мало по малу волноваться, смущаемые разными агитаторами, которые собирали их и толковали с ними о политических вопросах и между прочим внушали, что в самом близком будущем все земли помещиков станут собственностью крестьян. Эти последние беседы, как наиболее близкие желания самих крестьян имели громадный успех и окончательно сбили крестьян с толку. Результатом указанной агитации было то, что крестьяне решительно прекратили всякие платежи и в имении кн. Чавчавадзе и такой порядок вещей продолжался года два. Из известных мне агитаторов я могу назвать бывшего сельского старшину Вано Инашвили, который несколько не стеснялся и в Душете, чуть-ли не в присутствии самого

уездного начальника, напутствуя новобранцев толковал им, что гръ не сидит уже на престоле и ни сегодня—завтра его не будет и все изменится и т. п. Кажется тогда же Инашвили был арестован и сидел в тюрьме, а потом как-то исчез и вот уже года два, что я не видал его в деревне. Называли также агитаторами Лаврентия Асатиани и Ахатанца Гиголу, фамилии которого не помню, особенно первого. В июне этого года был убит управляющий имением кн. Чавчавадзе Маминайшвили со своей женой. Народная молва приписывает это убийство оставшимся не открытым Павле Пшавлишвили и вот какие по этому основания: Павле служил у нас каральщиком и в его поведении замечались некоторые странности, на которые обращал внимание и управляющий. Прежде всего Павле стал отлучаться куда-то и исчезать, потом интересовался вопросами вовсе его не касавшимися, напр., получил ли управляющий деньги с угольщиков и т. п. Особенно—же возбудил он против себя подозрения, когда узнали, что кто-то не задолго до убийства управляющего к нему секретно ночью приходили какие-то два человека, которые наткнулись вместе него на двух наших поденщиков—один из них был брат Гиголы Модзгвришвили—и выдавших всю эту историю. На расспросы Маминайшвили, что это были за люди и с какой целью они приходили ночью Павле объяснил, что это было сторожа из имения Старосельского. Будучи опрошены они категорически отвергли объяснение Павле и даже ругали последнего за ложь, тем более, что Павле говорил между прочим, что они приходили для разговоров о покое. Как раз приблизительно в это же время у меня пропало три метра холста, предназначенного для пчелиных ульев. Холст этот украл Павле, что и было доказано находкой этого холста в рукаве его шинели. Все эти обстоятельства вместе взятые вынудили управляющего просить об аресте Павле, при чем главным основанием ареста и была кража холста. Стражник сопровождавший Павле до Мухета потом уже рассказывал, что Павле дорогою грозил, что он сам не останется в живых, но Маминайшвили убьет. Пересылаемый из Мухета в Душетскую тюрьму Павле бежал с дороги, а вскоре после этого управляющий действительно был убит и ограблен, а

Пшавлиашвили с тех пор исчез. В доме тогда кроме женщины Софьи никого не было; она видела убийцу, но страшно перепугалась и растерялась и по ее словам головы их были закутаны башлыками, так что она никого не могла узнать. После убийства старого управляющего приехал, наконец, в имение и сам покойный кн., который и привез нового Джаши. Мне казалось странным и непонятным каким образом этот Джаши взялся за дело, в котором он не имел никакого решительно понятия, но лично о Джаши я вам ничего особенного сообщить не могу. Прошлым летом в деревне наступило относительно успокоение, а потому возник вопрос о взыскании с крестьян хоть чего нибудь за последнее лето, т. е. лето уже 1907 г. При этом были кое-какие недоразумения с крестьянами, но резного или острого характера они не имели. К новому управляющему князь видимо относился не с особенным доверием. Вывожу это на основании следующего: во 1-х удивлялся постоянным, очень частым поездкам Джаши в Цицамури, во 2-х его постоянным отлучкам и при том продолжительным в сад,¹ в Сагураме-же кн. при мне говорил: „да что он там делает лекции им читает, что-ли?“ Как-то после поездки Джаши в Цицамури кн. спросил его, взыскал ли он с крестьян, что следовало. На это Джаши ответил, что нет и что он дал им отсрочку на два дня. Тогда князь стал ему выговаривать, что он обязан был или взыскать или нет и доложить ему об этом, а право отсрочить принадлежало уже ему, князю и никому больше и т. п. В конце этого разговора кн. прямо сказал Джаши: „я вижу что вы делаете, вы хотите стать ангелом в глазах народа, а меня представить извергом, но вы не понимаете того, что я более вас люблю народ и т. д.“. В самом князе я не могу отрицать некоторой строгости: оно показало ее в отношении Цицямурцев, от которых между прочим не захотел взять деньги вместо хлеба и в отношении 2—3 крестьян, которым он не дал пахатной земли, так как они не выбрали в указанное для этого время билетов. В жизни Джаши в имении я ничего особенного не заметил: к нему никто не приезжал и

¹ ბაღში სადაც მუშაობდნენ მუშები.

никто у него не бывал. Как-то еще при жизни князя Джаши получил угрожающее письмо и волновался, но кн. успокоил его и об'яснил, что он много получал подобных писем, но на них не следует обращать внимания. Никаких разговоров горничной Пелаген, повара и Харитона и Софьи об этом угрожающей князя опасности я не слышал до убийства, уже потом стали говорить об этом. Когда Джаши допрашивал в Сагурамо агент сыскной полиции, он при мне сказал, что теперь ни к какой партии не принадлежит, но симпатизирует партии социал-демократов. Считаю нужным вам сказать еще следующее: по слухам, когда из Душета препроводили в Тифлис двух арестованных по этому делу Цициамурцев, один из которых Сандро Шермадини, другого я не помню, то эти арестованные во Мцхете при разговоре со своими односельчанами говорили между прочим, что те должны их выгородить во что бы то ни стало, в противном же случае им придется рассказать правду. Не знаю может ли иметь к настоящему делу какое либо отношение такой факт: недели за две до убийства было установлено, что порубку леса в части ближайшей к Авчалам производили именно Авчальцы. На месте в лесу были захвачены три арбы дров и арестованы бывшие при них люди. Родственники последних приходили упрашивать князя простить их, но князь об'яснял пришедшим, что он безсилен, что нибудь сделать для них, так как в дело уже вмешались власти. Поверили-ли кн. просившие или нет не знаю, но возможно, что они были озлоблены против него. Гигол Модзгвришвили работал сначала у меня в качестве помощника. Кроме самого хорошего я о нем ничего не могу сказать. С этой стороны я рекомендовал его и покойному кн. Последний же веря моей рекомендации в поощрение Гиголы об'явил ему, что даст ему в полное распоряжение и совершенно бесплатно $\frac{1}{2}$ десятины земли по день своей смерти. После этого случилось с Гиголой маленькое недоразумение: он претендовал, что ему недодал бывший управляющий 8 р., а выдачу таковых отметил в его расчетной книге. Гигола об'яснил мне этот факт, так, что ему нельзя было не верить, почему я и ходатайствовал за него у кн., но последний ответил мне, что он не может не верить

отметке управляющего и что если удовлетворить Гиголу, то тогда и все будут заявлять подобные же претензии. Больше по делу я ничего не знаю.

Даниил Маслов.

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г., Ф. ОВД; Дело № 17, л.л. 175–178].

ფრიად ხანწრად

19. 1907 წ. 2 დეკემბერი. დ. ჯაშის თხმება ბუი.
ლ.სის დ. გვ. - გუბერნატორს

1907 г. 2 декабря. Его Прев-тву г. Времен. ген.-губ. Тиф-лисской губернии и Закатальского Округа. Содержащегося в Метехском замке управляющего именьями члена Государственного Совета кн. И. Гр. Чавчавадзе — Дмитрия Сопроновича Джаши. Прошение. Вашему Превосходительству уже известно, что я содержусь под стражей вот скоро уже три месяца и до сих пор обо мне нет никакого постановления ни Вашего Превосходительства, ни тем более, судебных властей. Я уже несколько раз обращался к Вам с прошениями, прося об освобождении. В последний раз я подал Вашему Превосходительству прошение от 2 числа ноября с. г., в коем подробно описывал мое столь безутешное положение и умолял Ваше Превосходительство внять моему голосу — голосу неизлечимо больного человека, голодающей, брошенной на произвол судьбы семьей обремененного. Обратиться к Вашему Превосходительству с такою просьбою осмелился в виду того, что судебная власть, в лице товарища прокурора г. Ал. Ник. Эльцена, под непосредственным наблюдением которого ведется следствие по делу убийства кн. И. Г. Чавчавадзе, 30 го прошлого октября заявила мне здесь лично, что я по этому делу в качестве обвиняемого не привлекаюсь и что следствие обо мне не ведется, а г. Судебный Следователь по особо важным делам Ильяшенко официально обо мне сообщил, от 1-го ноября с. г. за № 276, содержание отношения, копия с коего при сем прилагается на благовоззрение Вашего Превосходительства. После этого официального от-

¹ იხ აგრეთვე დ. ჯ. შის თხოვნა ამავე წლის 13 ოქტომბრის თარიღით ილიაშენკოსადმი, აქვე დოკუმ. № 16.

ношения в ответ на наше прошение, он, Следователь г. Ильяшенко, около двух недель тому назад, перечислил за собою одного из просителей, а именно, Гиголу Модзгвришвили, которого и привлекает к судебной ответственности, а мне объявил лично, что я им к суду в качестве обвиняемого не привлекаюсь и что дальнейшая моя судьба всецело зависит от усмотрения Вашего Превосходительства, так как никаких дознаний обо мне Душетский Уездный Начальник ему, следователю, не представлял, и рекомендовал обратиться с прошением об освобождении к Вашему Превосходительству. Я не буду утруждать Вашего внимания описанием моего бедственного положения (мною овладел страшный неизлечимый недуг—туберкулез), и положения моей голодающей семьи,—это Вам уже достаточно известно. Теперь я только прошу Ваше Превосходительство запросить, хотя-бы по телефону, судебные власти—встречаются ли с их стороны препятствия к моему освобождению из под стражи, или нет, и, таким образом, вернуть мне незаконолишенную свободу, вернуть меня к моей голодающей семье, ибо для меня дневное заключение—целое столетие. Я числюсь за Вашим Превосходительством и освобождение мое возможно не иначе, как по приказанию Вашего Превосходительства. При этом я осмеливаюсь присовокупить, что я не беглец и вовсе не скрываюсь; мое местожительство известно полицейским властям,—Приставу 2-го участка гор. Тифлиса г. С. М. Давыдову известно лично оно, также, как и я,—а потому я ставлю непременно условием, в случае чего бы то ни было, явиться по первому же зову как Вашего Превосходительства, также и судебных властей. Мое семейное положение, неизлечимо-болезненное состояние моего здоровья и то обстоятельство, что почти доброй половине интеллигентного населения г. Тифлиса мое имя уже с давних пор достаточно известно,—являющий лучшей порукой для того, что я совершенно не вредная личность с какой бы то ни было стороны—как для общественного спокойствия, так и государственной безопасности.

Мне хочется надеяться, что Ваше Превосходительство обратит внимание моим мольбам, мольбам моей семьи и сде-

лаете соответственное распоряжение о немедленном моем освобождении из под заключения, а я, с своей стороны, неуклонно принимаю на себя высказанное Вашему Превосходительству обязательство явиться первому же зову, в случае какой бы то ни было надобности, и с чьей бы стороны ни было. Если Вашему Превосходительству угодно будет, я могу указать Вам на лиц, которые ручались бы за меня в исполнении моих честных слов.

Нетерпеливо ожидающий соответственного распоряжения Вашего Превосходительства, покорнейший проситель.

Дмитрий Сопронович Джаши.

[ЦАУГ: ИРА., фонд 36, Арх. 160, л. 26].

20. 1907 წ. 3 დეკემბერი. თბილისის სამლქო სასამართლოს პროკურორის მიმართა ტფილისის გენერალ-გუბერნატორისადმი.

1907 г. 3 декабря. Отношение прокурора Тифлисского окружного суда г. врем. ген.-губ. Тифлисской губернии и Закатальского округа.

Вследствие отношения от 30 ноября сего года за № 20165, сообщаю Вашему Превосходительству, что против содержащихся в административном порядке Дмитрия Джаши и Александра Шермадини,—следствием не добыто материала, удостоверяющего их причастность к делу об убийстве князя Чавчавадзе, а потому они оба по этому делу и не привлечены в качестве обвиняемых. К этому присовокупляю, что следствием не добыто никаких улик и против зачисленных за Вашим Превосходительством арестантов Солка Шермадини и Лаврентия Асатиани, которые также не привлечены в качестве обвиняемых.

Что-же касается задержанного одновременно с названными лицами Гигола Модзгваришвили,—то он изобличен в совершении упомянутого преступления, привлечен к следствию в качестве обвиняемого и мерой пресечения против него принято содержание под стражей.

ამ დოკუმენტზე წაწერილია გენ.-გუბერნატორის რეზოლუცია: Дмитрия Джаши освободить из под ареста, а относительно остальных оставить постановление моего предместника в силе:

შემდეგ აქვე მიწერილია ცნობა: Дмитрий Джаши освобожден из под ареста 16 декабря 1907 г. № 20942.

[ЦАУ Грузинской ССР, ИРА., ф. № 36, Арх. № 160, „Об убийстве члена государственного совета кн. И. Г. Чавчавадзе“ 23].

21. 1907 წ. 4 დეკემბერი. ტფილისის სამლქო სასამართლოს კრეაუ-მრის მიმართვა ტფილისის
განგ-გუბერნატორისადმი.

1907 г. 4 декабря. Отношение прокурора Тифлисского окружного суда г-ну Тифлисскому губернатору.

В дополнение к отношению моему от 5 ноября сего года за № 14995, имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что обвиняемые в убийстве кн. Чавчавадзе Павел Пшавлиашвили и Гигола Бербичашвили до настоящего времени полицией не задержаны. Между тем до меня дошли слухи о том, что родственники покойного и близкие ему дворяне выражают свое недоумение по поводу невозможности задержать преступников.

Сообщая об изложенном Вашему Превосходительству, имею честь просить, не признаете ли вы возможным вновь подтвердить чинам как уездной, так и городской полиции—принять самые энергичные меры к розыску и задержанию вышеназванных Пшавлиашвили и Бербичашвили, а также третьего виновного—Вано Инашвили, и о последующем почтить меня уведомлением.

[ЦАУГ; ИРА., Ф. 36, Арх. № 162, л. 29]

22. 1907 წ. 14 დეკემბერი. ნამესტნიკის კანცელარიის განსაუთრებული განყოფილების მიმართვა ტფილისის სამლქო სასამართლოს კრეაუ-მრისადმი¹

სავსებით საიდუმლო.

1907 г. 14 декабря. Отношение особого отдела по полицейской части канцелярии наместника Кавказского к прокурору Тифлисского окружного суда

Совершенно секретно.

Содержащийся под арестом на военной гоуптвахте в г. Озургетах и числящийся за Озургетским судебным следова-

¹ ამ დოკუმენტთან უშუალო კავშირშია აქვე დაბეჭდილი დოკუმენტები № 24, 25 და 29. უკანასკნელ დოკუმენტში გრძელად აღიარებენ, რომ მთელი ამბავი მოგონილია მის მიერ; ცხადია, გენ. ტოლმაჩევისა და მისი დამკავშირების მხრივ წარმოებული ზეგავლენის შედეგად.

телем по производимому последним делу об ограблении Алексея Георгидзе, Александр Егоров Греков 30 минувшего ноября сделал личное заявление бывшему Вр. ген. губ. Озургетского и Сенакского уездов, с г. Поты, Самтрედского участка Кутаисской губернии и Кинтришского участка Батумской области ген.-м. Толмачеву о нижеследующем:

Летом настоящего года он, Греков, случайно присутствовал в сел. Бахва, в доме фельдшера Прокопия Березлиани, на собрании, в коем участвовало до 16 человек и где присутствовал: Ермолай и Каленик Долидзе, Диомид Басилайшвили, Корнес и Нико Шавешвили, Илларион Уджмаджуридзе, Маркоз Жгенти (впоследствии убитый), Ражден Водочкория (чужачник), Мелхиседек Мугенарадзе, Ермолай Андгуладзе и Лодыко Березлиани, а также двое приехавших из Батума лиц, неизвестных заявителю по фамилиям: один—брюнет, без бороды, с усами, низкого роста, волосы на голове с проседью; другой—очень высокого роста, худощавый, рыжий, с остроконечной бородой, волосы на голове зачесаны назад, несколько похожий на Ермолая Долидзе; этот второй Батумский гость и был председателем собрания.

Сначала „председатель“ сообщил собравшимся о положении дел в Гурии, а затем об’явил, что кн. Илья Чавчавадзе должен быть убит. На вопрос одного из присутствовавших, за что именно должен быть убит князь, председатель отвечал: „он нам изменил“, причем из об’яснений председателя можно было вынести заключение, что убийство кн. Чавчавадзе было уже предreshено ранее „центральным комитетом“ и здесь было лишь доложено собранию, как уже состоявшееся постановление.

После такого об’явления председателя Ражден Водочкория, Лодыко Березлиани и Илларион Уджмаджуридзе представили собранию шесть террористов, назначенных для исполнения приговора, которыми оказались участники собрания: Басилайшвили, Ермолай и Каленик Долидзе, Мелхиседек Мугенарадзе, Нико и Корнел Шавишвили (он же ассистав сел. Бахва) и некий Лодыко Гагуа. По брошенному жребию исполнению приговора над кн. Чавчавадзе пало на Ермолая и Кале-

ника Долидзе и Басилайшвили, после чего собрание разошлось. Все участники преступного сборища принадлежали к социал-демократической партии, из них Ермолай Долидзе был вооружен револьвером системы Смитта и Вессона, а Каленик Долидзе и Басилайшвили—револьверами и берданками; причем бывшая у последнего берданка принадлежала некоему Ванесу Махарадзе. Сам домовладелец того дома, где происходило это сборище, фельдшер Прокопий Березлиани на собрании не присутствовал, так как лежал больным в одной из дальних комнат.

Исполнители приговора в тот же день уехали из Бахвы, а три дня спустя уже появились слухи об убийстве кн. Чавчавадзе.

Об изложенном, по приказанию нам. е. и. в. на Кавказе, особый отдел имеет честь сообщить на распоряжение в. выс.-дня.

Заведывающий Особым отделом,
Полковник. подпись

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г., ф. ОВД; Дело № 17, лл. 182—183].

23. 1907 წ. 26 დეკემბერი. ტფილისის პოლიცევი. სტერიის სამმართველოში სამძებრო ნაწილის გაგზონის ევტუშევსკის მოხსენება ტფილისის პოლიც. მისტერიისადმი ¹.

1907 г. 26 декабря. Рапорт зав. сыскной частью при упр. Тифлисского полицмейстера к Тифлисскому полицмейстеру.

В сентябре месяце сего года, с дозволения Высшего Начальства я был командирован Вашим Высочородисм в Тифлисский уезд и Кутаисскую губернию по делу убийства Члена Государственного Совета, Князя Ильи Григорьевича Чав-

¹ ეს დოკუმენტი მრავალმხრივ არის საყურადღებო, და უწინარეს ყოვლისა იმ მხრივ, რომ აქ (1907 წ. 26 დეკემბერს), —მას შემდეგ რაც, ათი დღის წინად, ტფილისის გენერალ-გუბერნატორმა დიმიტრი ჯაში განთავისუფლა, როგორც უდანაშაულო პიროვნება,—ევტუშევსკი ილია ჭავჭავაძის მკვლელობის ინიციატორად სთულის დიმიტრი ჯაშს. ცხადია ევტუშევსკიმ კარგად იცოდა გენ-გუბერნატორის მიერ ჯაშის განთავისუფლების ამბავი და ამის შეჭდეგ უდაოა, რომ ევტუშევსკის ეგვიპტანელი დოკუმენტები უნდა ჰქონოდა, იმისთვის რათა დ. ჯაში მინც დაეხმებოდა მკვლელობის ინიციატორად.

тавадзе, для обнаружения сказанного преступления и поимки убийц. Результатом моих трудов по этому делу было то, что я прежде всего инициатора этого преступления открыл, оказавшийся княжеским управляющим Джаши и установил личности наемных убийц князя, последствием чего и была недели две тому назад поимка одного из них некоего Долидзе Ермолая.

Кроме того мною добыты были неопровержимые сведения о том, что убийство князя совершено на почве аграрного вопроса и некоторые другие второстепенные, но заслуживающие внимания, улики против обвиняемых.

Кроме положенного на это дело личного, упорного, неустанныго и во всех отношениях опасного, по местным условиям, труда, хотя бы даже в нижеследующем случае: переезжая поздно вечером реку Арагву вблизи Мцхета, лошади, запряженные тройкой, чего то испугались, бросились в сторону от тропы постоянного брода и сразу погрузились в волне Арагвы, а экипаж, в котором ехал я своими спутниками сильно накренившись чуть было не опрокинулся. Только благодаря счастливой случайности мы не были снесены быстрым течением реки в более глубокое место ее русла и не погибли если не все, то наверно большая половина, в том числе и я. О тех же невзгодах и неприятностях, которые я перенес в Кутаисской губернии я и не упоминаю, слишком много пришлось бы описывать; разве только упомяну о том, что при розысках Долидзе мною совместно с Приставом селения Супса в 2 часа ночи задержал убийцу Тавадзе, приговоренного заочно к смертной казни, мною еще израсходовано свыше двухсот рублей денег. Расход этот мною произведен не по своей воле, или прихоти, а вследствие потребностей сопряженными с розысками.

Изложенное, вместе с подробным счетом израсходованным деньгам, представляю на распоряжение Вашего Высокородия.

Завсёдывающий сыскной частью Евтушевский.

[ЦАУГ; ИРА., 1907 г., ф. 36, арх. № 162, л. 43—44].

24. 1908 წ. 31 იანვარი. ჟ. მღვდის V უბნის სასამართლოს გამომძიებლის მიერ გენ.-მაიორ ბოლშაჩევის დაკითხვის ოქმი

1908 г. 31 января. Протокол допроса. В городе Одессе судебный следователь 5 участка Одесского градоначальства Гласко, согласно требованию судебного следователя Тифлисского окружного суда по особо-важным делам от 29 декабря 1907 г. за № 335, допрашивал ниже поименованного в качестве свидетеля, по 443 ст. Уст. Угол. Суд. который и показал:

Я, Одесский градоначальник и временный ген.-губ. г. Одессы и Одесского уезда, ген. штаба ген.-м. Иван Николаевич Толмачев, 44 лет, православный, несудимый, живу в гор. Одессе, по Маразлиевской ул. в доме № 18.

На вопросные пункты, изложенные в пред'явленном мне требовании судебного следователя Тифлисского окружного суда по особо-важным делам об'ясняю. Александр (Сандро) Грекова я розыскивал с осени 1906 года, как принадлежавшего к красной гвардии, но задержать его удалось только начальнику Озургетского уезда капитану Ермолову осенью 1907 года во время моего отсутствия из Гурии. Капитану Ермолову Греков сразу стал давать откровенные показания. По прибытии моем в Озургеты в ноябре 1907 года, я сам стал допрашивать народно (?) обо всем, что ему известно относительно революционного движения в Гурии; все, что я узнал, — тщательно проверялось мной агентурными и иными путями, о чем я не считаю возможным делать показания. Скажу только, что Греков ни разу не солгал, и я ему многим обязан при выполнении моей задачи. Греков полурусский — полугрузин; отец его русский, но сам Греков по-русски говорит очень плохо. Это же молодой человек, кажется ему менее 21 года, почти неграмотный, искренний, легко поддающийся влиянию ласки; за малейшую оказанную ему услугу он готов на самопожертвования. Из рассказов Грекова, я, между прочим, узнаю об убийстве кн. Ильи Чавчавадзе и, когда убийца был арестован ротмистром Тамбиевым, — я призвал вновь Грекова и подробно допросил его, составив

протокол допроса, который и препроводил в особый отдел канц. нам. Рассказ свой Греков повторял не раз, и всегда одинаково, вследствие чего я ему вновь верю. Не понимаю вопроса г. следователя „какими мотивами руководствовался Греков, давая свое заявление“. Во-первых, никакого заявления Греков не делал, а обо всем я узнал, одновременно допрашивая, но не записывая в протокол, пока не был пойман убийца; во-вторых, и мотивов не было: просто Греков откровенно показывал все, а, между прочим, и об убийстве кн. Чавчавадзе; также откровенно он говорил и о себе. Далее г. следователь все говорит о каком-то заявлении; мне это непонятно; было показание, а не заявление, показание вызванное мной самим, т. к. я производил допрос¹. Ничего нового к тому, что изложено мной в протоколе, я добавить не могу; я записывал лишь с стенографической точностью показания Грекова. Скажу лишь, что, состоя в красной сотне, Греков прекрасно знал всех перечисленных им в показании лиц, так как и они состояли в той же красной сотне или так или иначе участвовали в движении; это мной также все было и заверено самым тщательным образом.—Многие из этих лиц мной розыскивались, другие были арестованы и высланы. Помню, что Греков настаивал на том, что убийца был вооружен револьвером „Смита и Вессона“ большого образца, и такой точно револьвер был при нем, когда его арестовал ротмистр Тамбиев. Вообще я visколько не сомневаюсь, что все произошло так, как показал Греков.

Вр. ген. губ. г. Одессы и Одесского уезда и Одесский градоначальник ген. штаба ген.-м. Толмачев.

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г., ф. ОВД; Дело № 17, лл. 215—216].

¹) აქ დედანში ფანქრით, და სხვა ხელით არშინაზე აქვს მიწერილი: „По каким же соображениям свидетель дошел до такого заключения, что Грекову известны некоторые обстоятельства убийства Чавчавадзе.“

25. 1908 წ. 8 თებერვალი. ილიაშენსკოს მიერ ალ. გრაქოვის დაკითხვის ოქმი

1908 года 8 февраля. Протокол. Озургеты—Военная тюрьма. Судебный следователь Тифлисского окружного суда по особо-важным делам допрашивал поименов. с соблюдением 443 ст. У. У. С. и он показал: Греков Александр Егоров, 20 лет, правосл. житель селения Нагомари Озургетского уезда, содержался под стражей по обвин. в ограблении Алексея Георгадзе, дело производится у следов. Озургетского уезда.

Летом прошлого года я жил у себя дома в сел. Нагомари, которое находится в 3 верстах от сел. Бахвы. Так как заболел мой маленький брат, то я пошел в Бахвы к фельдшеру Прокопию Бережани взять у него хины. В доме последнего я застал целую сходку, на которой присутствовали Ермолай и Каленик Долидзе (Каленик из сел. Букнари, что в 10 вер. от Бахвы, они однофамильцы) Диомид Басилашвили (сел. Туапсе в 7—8 верстах от Озургет), и Корнес Шавешвили (Бахвы), Илларион Уджмаджуридзе (с. Нагомари) Маркоз Жгенти (Хидистави, он убит), Ражден Водочкория (Чангаты) Мелхиседек Мдинарадзе (сел. Букнари), Ермолай Андгуладзе (Нагомари), Ладыко Бережани (сел. Нагомари) и двое приехавших из Батума, мне неизвестные, но не гурийцы. Семья Прокопия Березлиани состоит из него самого, жены и сына лет 7—8. На собрании Прокопий не присутствовал, он лежал больным. Из присутствовавших некоторые были против того, чтобы я остался на собрании, другие ничего против не имели и я в конце концов остался. Руководил собранием один из приехавших из Батума, говорили о положении дел в Гурии, а затем речь зашла о кн. И. Г. Чавчавадзе, при чем председательствовавший заявил, что кн. должен быть убит за то, что изменил нам. В чем изменил при мне сказано не было, но присутствовавшие, было очевидно для меня, знали в чем изменил. Вопрос вообще обсуждался так, что для меня было ясно, что убийство кн. Чавчавадзе было уже решено раньше, а на собрании, на котором я присутствовал говорили об этом уже окончательно. Затем сходке главарь террористов Ражден Водочкория реко-

мендовал людей назначенных для исполнения приговоров; Ермолая и Каленика Долидзе, Басилайшвили и одного армянина, по фамилии мне неизвестного, а также Мелхиседека Мдинарадзе, Корнеса Шавешвили и Лодыко Гагуа (он теперь убит). После этого был брошен жребий и убийство кн. Чавчавадзе выпало на Ермолая и Калиника Долидзе и Басилайшвили. Спустя 4—5 дней после этого я действительно услышал, что кн. Чавчавадзе убит. Некоторое время спустя после этого я был арестован. Так как у Долидзе Ермолая обыск производился не раз, то я не могу вам сказать, был ли я еще в деревне когда его обыскивали с казаками, но мне кажется, что я был уже в тюрьме в Озургетах. Все кто присутствовали на сходке у Березлиани принадлежали прежде к партии социал-демократов, теперь они революционеры. Я хорошо знаю Ермолая Долидзе и утверждаю, что он был всегда террористом, говорю это потому, что сам некоторое время также находился в числе террористов. Все что я вам рассказываю сейчас я заявил и ген.-губ. Толмачеву. Вынудило меня сделать это то, что настоящие убийцы спокойно ходят на сходке, а когда ни в чем не повинные, как я и мой брат содержимся в тюрьмах (один брат здесь же в Озургетах, а другой выслан в Архангельск). Из числа лиц названных мною Каленик Долидзе и сейчас в деревне, Басилайшвили тоже, Илларион Уджмаджуридзе, Ражден Водочкория и Лодыко Березлиани в тюрьме, в Озургетах. Ермолай Долидзе все прошлое лето был то в Батуме, то в Тифлисе, то приезжал в деревню, но в деревне кажется даже не ночевал ни разу. Ермолай Долидзе никогда хлебопашеством не занимался, занимался прежде воровством и грабежами, а потом с освободительным движением стал террористом. Я сам с отцом прежде работал в Батуме на заводе Манташева, а потом жили в деревне.

Александр Греков. Переводил с грузинского переводчик Козотов ¹.

[ЦАУГ; ГИА: 1907 г. ф. ОВД; Дело № 17 л. 209—210].

¹ იხ. დოკუმენტი № 29 (აქვე), სადაც ალ. გრეკოვმა თვითონვე აღიარა, რომ, იგი არასოდეს არ ყოფილა მის მიერ მოთხოვნილი აპების მონაჭილე და რომ ყოველივე მოიგონა თვითონ—პროვოკაციული მიზნით.

26. 1908 წ. 10 თებერვალი. ამონაწერი ღუშეთის
პაზრის უფროსის მოკ. ამსრ. ი. მ. სტრიშევის მიერ
წარმოებულ დაკითხვიდან.

Выписка из протокола—опроса, произведенного 10-го февраля 1908 г. И. Д. начальника Душетского уезда, подполковником И. М. Стрижевым, в присутствии помощника его Пагава и пристава Мухетского участка Марковича, нижеследующих лиц, задержанных сим приставом:

1) Житель селения Нория, Тифлисского уезда, Ладო Иосифов Чирикашвили, он-же Пейкришвили: [„] Павел Пшавлиа-швили явился ко мне в дом. В тот день в духане закусывал, когда он явился, я спросил его, откуда? говорит из Ган[д]жи. Я тогда взял его к себе. Живу в Нахаловке, в имении Надировой. Когда стражники ночью явились его задержать, я спросил: „какое за тобой дело, за что ты меня погубил?“ Он мне ответил: „наверное меня задерживают по делу убийства Чавчавадзе“. Тогда я спросил: „значит ты участвовал?“ Он сказал: „Да“. Я спросил: „а кто были другие?“ Он ответил: „со мной были еще Гигола Бербечашвили и еще один имеретин, верно тот, про которого я слышал, что он уже задержан и по слухам уже выслан в отдаленные губернии“.

2) Павел Георгиев Пшавлиашвили, он же Афциаури, житель селения Ахалсопели, Сагурамского об-ва, 25 лет:[„] Бербечашвили, Инашвили и один имеретин встретили меня и предложили итти вместе с ними в Сагурамо, убить кн. Чавчавадзе. „Мы, говорят, должны убить кн. Чавчавадзе. пойдем вместе, если не пойдешь тебя—убьем“. Хотели убить и я пошел; до Мухета¹ доехали на товарном поезде, а потом пошли пешком. Я остался в лесу, сказал им: я убивать не буду, вы что хотите делайте. „Когда они совершили убийство, я удрал. Предложили разделить вещи, но я сказал, что ничего не хочу, оставьте меня в покое. Я не стрелял, кучер может подтвердить это. За что убили—не знаю. Если бы я стрелял, я бы сознался, так как знаю, что раз я был вместе с убийцами стрелял ли, нет ли, наказание все равно мне бу-

¹ უ. ჭაღავას შენიშვნა: „Как мне помнится Пшавлишвили сказал, что они доехали до ст. Авчалы“.

дет и то же. Когда мне предложили убить Чавчавадзе, я спросил, „за что“? „Тебе какое дело? мы должны убить и убьем“, сказали они. Меня взяли, как местного жителя, знающего там все дороги. Я служил у кн. Чавчавадзе сторожем у дома. Когда мы пришли до места, где должна была быть засада, князь и под'ехал, тут его и убили. Кто именно убил я не знаю, близко не подходил.

В последнее время я проживал в Тифлисе. Часто посещал Метехский замок, там я навещал Солку Шермадини и Гиголу Модзгмонашвили; последний раз был недели две тому назад. (Об участии в разбойных нападениях 3 и 4 февраля ничего не показал).

[ЦАУГ., ГИА., ф. ОВД. д. № 17. л. 223; см. также ИР А, ф. 36 д. № 162, л. 38].

27. 1908 წ. 17 თებერვალი. მცხეთის რაიონის პრი- სტავ მარკოვიჩის განცხადების ოქმი¹.

1908 გ. 17 ფებრალა. Протокол заявления Мцхет- ского пристава Марковича.

1908 года февраля 17 дня сел. Мцхет. Я пристав Мцхетского уѣ. Маркович составил настоящий протокол о ниже-
следующем. По задержанию жит. сел. Котораант-кари Филип-
па Симоновича Модзгвришвили он на вопрос мой о том не
знает ли он что либо про убийство князя Чавчавадзе об'яс-
нил следующее: „Когда я бежал из Вятской губернии в нояб-
ре месяце 1907 года и пришел в гор. Тифлис я встретил там
своих знакомых жит. сел. Ахалсопели Павла Пшавлашвили и
жит. сел. Нори Ладо Пеикришвили, которые рассказали мне,
что летом этого года они вместе с Ванო Инашвили, Гиглой
Бербичашвили, жит. сел. Навдараант-кари Гигო Навдарашви-
ли и жит. сел. Цицамури Ломой Хизанашвили зная, что бу-
дет проезжать в свое имение в Сагурамо князь Илья Чавча-
вадзе устроили засаду близь сел. Цицамури, где ждали не-
сколько дней и когда проезжал князь Чавчавадзе со своей
женой и лакеем они начали стрелять в князя, которого уби-

¹ დოკუმენტი უშუალო კავშირშია დოკუმენტთან № 31.

спригнул с фаэтона и произвел выстрел, а затем побежал за дорогу в кусты, а за ним погнались все четверо и там раздался выстрелы. Жена князя Чавчавадзе сидела в фаэтоне, но когда ударил прикладом Бербичашвили она упала с фаэтона. После этого, чемодан забрал Пшавлишвили, часы с князя снял Бербичашвили, серьги с ушей княгини снял имеретин, а браслет с ее руки снял Инашвили. Имеретин взял бывший у князя револьвер, а револьвер его лакея взял Бербичашвили. После свистка кучер тотчас же остановил лошадей и все время не вставал с козел, а встал только тогда когда, перечисленные лица ушли. После убийства они все четверо подошли ко мне и сказали, что они идут в Тифлис, а чтобы я ушел домой. Вещей никаких они мне не дали. Направились они по Зедазенской дороге на Тифлис. Прочитано не грамотный. Мухетский пристав Маркович, при допросе присутствовали ж. с. Мухет Гавриил Гарсеванов, აკოტა...

[ЦАУГ; ИРА, 1907 г., ф. 36, арх. № 162, лл. 39—40].

28. 1908. მარტი. ილიაშენკოს მიერ დუშეთის მაზრის უზრუნის მოვ. ამსრ. ივანე სტრიჟევის დაკითხვის ოქმი.

1908. Март. Протокол опроса Ильяшенко и. д. Душетского уездного начальника Ив. М. Стрижева

Я Иван Максимович Стрижев, подполковник Заамурского Округа Отдельного Корпуса Пограничной стражи командированный в распоряжение нам. е. и. вел-ва на Кавказе для и. д. начальника Душетского уезда, вероисповедания православного, под судом и следствием не состоял, на предъявленные мне вопросы могу показать нижеследующее:

10 февраля 1908 года при задержании жителя селения Норио Тифлисской губернии и уезда Ладо Иосифова Чирикашвили, он же Пенкришвили и Павла Георгиева Пшавлишвили, он же Афциаури, жители селения Ахалсопели, Душетского уезда, задержанных в числе прочих разбойников, учинивших нападения 3 и 4 февраля сего года в селениях Сагурамо, и Навдараант-кари, я, знал, что они причастны к де-

лу убийства князя Чавчавадзе, подвергнул их допросу, причем они мне, в присутствии бывшего моего помощника князя Пагава и пристава Мцхетского участка Марковича показали мне нижеследующее (передаю показания в слово—слово, как мною было записано при допросе). Ладо Чирикашвили (он-же Пеикришвили) показал, что он жил в Нахаловке, в Тифлисе, в имении Надировой, когда явился ко мне Пшавлишвили, в этот день я был в духане, закусывал, я спросил его откуда? Говорит из Ганджи, я тогда взял его к себе ночевать. Когда стражники ночью явились его задержать. я спросил, какое за тобой дело? за что ты меня погубил? Он мне ответил: „наверное меня задерживают по делу убийства Чавчавадзе“. Тогда я спросил: значит ты участвовал. Он сказал: да. Я спросил, а кто были другие? Он ответил: „со мной были еще Гигола Бербичашвили, Ваню Инашвили и еще один имеретин, наверно тот имеретин, про которого я слышал, что он уже задержан и выслан в отдаленные губернии.

Павел Пшавлишвили (он-же Апциаури), показал; „Бербичашвили, Инашвили и один имеретин встретили меня и предложили идти вместе с ними в Сагурамо убить князя Чавчавадзе. „Мы, говорят, должны убить князя Чавчавадзе, пойдем вместе, если не пойдешь—тебя убьем“. Хотели убить я и пошел. До Мцхета доехали товарным поездом, потом пошли пешком. Я остался в лесу, сказал им: убивать я не буду, вы что хотите делайте. Когда они совершили убийство, я удрал (убежал). Предложили разделить вещи, но я сказал, что ничего не хочу, оставьте меня в покое. Я не стрелял, кучер может подтвердить. За что убили не знаю. Если бы я стрелял, я бы сознался, так как знаю, что раз я был вместе с убийцами, стрелял ли, нет-ли, наказание все-равно лишь будет одно и тоже. Когда мне предложили убить Чавчавадзе, я спросил: за что? „Тебе какое дело! Мы должны убить и убьем!“ сказали они. Меня взяли, как местного жителя, знающего там все дороги. Я служил у Чавчавадзе сторожем у дома. Когда мы пришли до места, где должна была быть засада, князь и под'ехал, тут его и убили. Кто именно убил, близко не подходил, не знаю. Проживал последнее время в Тифлисе, часто посещал Метехский замок, навещал

Солку Шермадини и Гиголу Модзманашвили, последний раз был у них недела две тому назад". Других показаний от Пшавлишвили и Чирикашвили добыть мне не удалось. Как выше мною было упомянуто оба лица были задержаны приставом Марковичем, при розыске участников ограблений. За 4-е февраля. Оба они были задержаны в Тифлисе, при чем большое содействие к их задержанию оказал тоже участник сего ограбления Филипп Модзманашвили (бежавший из Карской тюрьмы). В настоящее время Чирикашвили содержится с 10 февраля в Душетской уездной тюрьме, по делу ограбления 3 и 4 февраля и числится за Судебным Следователем Душетского Отдела, но в настоящее время, вследствие отношения Канцелярии Вр. ген.-губер. от 7 марта сего года за № 2547, с 10 марта перечислен, в виду предания участников сего ограбления Военно-Окружному Суду за сим судом. Кроме сих лиц по делу убийства князя Чавчавадзе мной был 18 февраля опрошен Филипп Модзманашвили, который подтвердив показания сделанные им приставу Марковичу 17 февраля, каковые показания сей пристав записал в свой протокол заявления. По словам Модзманашвили, он бежал в ноябре из Вятской губернии, пришел в гор. Тифлис, встретил там своих знакомых Павла Пшавлишвили и Ладю Пеикришвили, которые ему рассказывали, как они вместе с Ваню Инашвили, Гиголом Бербичашвили, Гиго Навдарашвили и Ломой Хизанашвили, зная, что кн. Чавчавадзе будет проезжать в свое имение, устроили засаду близ селения Цицамури, где ждали несколько дней, а когда князь с своей женой и лакеем проезжали, они начали стрелять, убили кн. и лакея: Бербичашвили лакеем был ранен в ногу. При этом рассказе Пшавлишвили показывал Модзманашвили золотые очки князя и тут же Пейкришвили сказал Павлу Пшавлишвили, отдай их мне, я дам своей жене она отдаст сделать из них кольца. Когда Модзманашвили спросил их за что они убили кн., они сказали, за то, что он отобрал у крестьян пахотные земли; кроме сего Модзманашвили заявил, что револьвер отобранный у кн. системы „Маузер“ забрал Инашвили; затем мне лично Модзманашвили, заявил, что он, если его выпустят из тюрьмы может розыскать Инашвили и Бербичашвили, Бербича-

швили скрывается в Тифлисе на Вере, а Инашвили уехал в Ганджу.

Сделанное мною по сему последнему заявлению сношений с подлежащими лицами полицейскому надзору в Тифлисе и в Елисаветполе пока не увенчались успехами.

[ЦАУГ; ГИА; 1907—1909 г. д № 18 судебного следователя по наиболее важным делам „об убийстве члена государственного совета кн. И. Г. Чавчавадзе“ Фонд ОВД, л. 108—109].

29. 1908 წ. 19 აპრილი. ქუთაისის საოლქო სასამართლოს გამომძიებლის მიერ ალ. ზამეძის დაკითხვის ოქმი.

1908 г. 19 апреля. Протокол допроса. В г. Озургеты—следователь Кутаисского окружного суда по Озургетскому участку допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением—443 ст. Уст. Уг. Суд., при чем он показал:

Я, Александр Ягоров Греков, 20 л. православный, не судился, живу в сел. Нагомари—Асканского общества Озургетского уезда, посторонний, грамотный.

По делу убийства кн. Ильи Чавчавадзе мне ничего неизвестно. На никакой сходке сел. Бахви в доме фельдшера Прокопия Бережиани—я никогда не был, на которой решено было убить кн. Илью Чавчавадзе. Я по злобе оговорил Ермолая Долидзе в участии в убийстве названного князя, так как Долидзе—года три тому назад—выманил у меня шелковый башлык, черкеску, пояс и часы и вещей этих возвратить мне не желал. Более показать ничего не имею. Показание мне прочитано. Александр Греков.

Следователь—подпись.

[ЦАУГ; ГИА; Ф. ОВД; 1907 г., дело № 17 „об убийстве чл. государственного совета кн. Чавчавадзе“, л. 289].

30. 1908 წ. 24 ივნისი. თბილისის ოლქის პროკურორის მიერ უმნიშვნელოვანეს საქმეთა განმეორებით ცვებმოკვისათვის გადაცემულ გ. ხიზანიშვილის მიერ ქართ. გაზეთებისათვის გაგზავნილი წერილის რუსული თარგმანი.

Г. Редактор! Прошу письмо это поместить в вашей газете.

В № 44 газеты „Исари“ помещено письмо, касающееся якобы моего показания по поводу убийства Ильи Чавчавадзе. Из этого письма выходит, что будто я лично принимал участие в убийстве и назвал своих товарищей по преступлению. А я ничего подобного сказать не мог, так как ни я сам не принимал участия в этом противном деле и не знаю других, которые участвовали в преступлении. В день убийства Ильи, т. е. 30-го августа, я с утра до вечера возил на арбе угли, что в случае надобности будет удостоверено свидетельскими показаниями. Арест мой вызван моим личным врагом Георгием Модзманашвили и показание, помещенное в газете „Исари“, сочинено им-же. Это тот Модзманашвили, который за разбой и воровство был приговорен к отдаче в исправительный батальон на пять лет, но, после совершенного им бегства, сблизился с администрацией и, вместе со стражниками, арестовывает ни в чем не повинных людей. Одной из жертв его предательства оказался и я.

Дело было так: в селении Ахал-Сопели в средних числах февраля, полиция по указанию Модзманашвили нагрянула на меня. С момента же моего ареста, меня стали безпощадно бить и приказывали назвать участников убийства Чавчавадзе. Но что я мог сказать им, когда мне самому ничего не было известно по поводу этого убийства. Тем не менее, каждый мой отказ удовлетворить их требование вызывал безграничный гнев с их стороны и побои. Обращаясь с площадною бранью, бил меня и Модзманашвили и приговаривал: „ты, Иван Инашвили, Гигола Бербичашвили и один имеретин стояли и ждали приближения Чавчавадзе, чтобы дать знать другим; убили Илью, его лакея, избили квягиню и скрылись в лесу“. Много он еще навязывал мне всяких ве-

щей и, несмотря на то, что я все это отрицал, пристав все слова Модзманашвили записывал под видом моего показания. Кроме стражников и пристава при описанной сцене не было никого. Отсюда ясно, что Модзманашвили навязал мне все, что ему было угодно, а пристав поддержал его¹.

Вот так обстояло дело, а не так как написано в 44 № газеты „Исари“.

Прошу другие газеты перепечатать.

Георгий Хизанашвили. По его неграмотности расписался Шио Андреевич Мествиришвили. 5-го марта 1908 года. Во внимание редакции объявляю, что это письмо подписывает по моей же просьбе в присутствии свидетелей Шио Андреевич Мествиришвили. Георгий (он же Лома) Хизанашвили. По его просьбе расписываюсь Шио Андреевич Мествиришвили.

მინაწერი:

В. нужное.

Препровождается г. Судебному Следователю по важным делам Цветкову, для соображений при производстве предварительного следствия по делу об убийстве кн. Ильи Чавчавадзе.

ხელწერა გაურკვეველია.

[ЦАУ Груз. ССР, Главн. Ист. Арх., ф. ОВД д. № 18, Арх. № 422, л. 89].

31. 1908 წ. 12 აგვისტო. სასამართლოს გამომცემელ უპაჟოვის მიერ გაბრეულ გარსევანოვის დაკითხვის ოქმი².

Протокол 1908 года 12 августа сел. Мухет и. д. судебного следователя Увашков допросил нижепоименованных с соблюдением 443 ст. у. у. суд.: Гавриил Иванович Гарсеванов, жит. сел. Мухет, где и проживаю, 24 лет, православный, под судом не был, чужой.

¹ Приж. Письмо это я отправил 6-го марта в редак. „Амирани“ для напечатания, но до сегодняшнего времени я его не вижу в печати. Г. Хизанашвили.

² შეადარე დოკუმენტი № 27; მას შემდეგ, რაც ს. ბახუში ვითომდა ს.-დემოკრატიული ორგანიზაციის მიერ მოწყობილი მკვლელობის პროვოკაცია თვითმპყრობელობას ჩაეშალა აღ. გრეკოვის მიერ უკანასკნელ დაკითხვისას სინამდვილის (რომ მან პროვოკაციულად დასმინა ხსენებული ორგანიზაცია) აღიარების გამო ობრანკა იწყებს ახალ პროვოკაციის მოწყობას, რისი მაჩვენებელია ეს დოკუმენტიც].

Я служу письмоводителем у пристава Мцхетского участка. В моем присутствии в феврале месяце настоящего года, какого числа не припомню, пристав Макарович в Мцхете в своем управлении допрашивал задержанного им жит. сел. Цицамури Георгия Хизанашвили по делу об убийстве кн. Чавчавадзе и тот показал, что кн. Чавчавадзе был убит на его глазах, при чем рассказал следующее: Накануне происшествия в сел. Цицамури прибыли Павел Пшавлишвили, Ваню Инашвили, Гигола Бербичашвили с каким то имеретином, со звали сельчан и об'явили, что комитет решил убить кн. Чавчавадзе и что они должны привести в исполнение это постановление; когда сельчане разошлись, они предложили и ему, Хизачашвили, принять участие в убийстве, но он отказался и ушел домой. На следующий день все названные лица, проходя мимо его дома, позвали его и приказали следовать за ними, причем пригрозили ему убийством, если он не исполнит требование. Он повиновался и пошел за ними. Так они вышли на дорогу, и там ему приказано было подняться на гору и оттуда свистом дать знать, когда покажется экипаж кн. Чавчавадзе. С тою же целью в другое место также на гору было поручено пойти Пшавлишвили. Он и Пшавлишвили отправились, и когда показался фаэтон князя, дали сигнальные свистки. Тут же остальные трое, т. е. Инашвили, Бербичашвили и имеретин, скрывавшиеся в лесу, выбежали оттуда и произвели по направлению к экипажу залп, двое из револьверов, а третьей из пистонного ружья. Кн. Чавчавадзе при этом залпе и был убит. После того все трое бросились к фаэтону и кто-то из них ударил по голове сидевшую на фаэтоне княгиню, которая при этом упала с экипажа. Сидевший на козлах лакей князя выстрелил было из револьвера в нападавших и бросился бежать в кустарники, но тоже трое нагнали его и убили. После того все трое вернулись к фаэтону и тут схватили вещи князя. Инашвили снял с него часы, Бербичашвили, кажется, кольца с княгини, а имеретин захватил чемодан. С этими вещами они и удалились вместе с Пшавлишвили, который после залпа спустился с горы. По показанию Хизанашвили, Пшавлишвили выстрелов не производил, никакого насилия вообще не учинял и в расхищении

вещей участия не принимал. После всего происшедшего сам он, Хизанашвили, один пошел к себе домой. О кучере князя Хизанашвили говорил, что он во все время нападения оставался на козлах. Теперь я не могу припомнить у кого именно из злоумышленников, по показанию Хизанашвили, было ружье и кто именно из них ударил княгиню, не помню также, говорил ли Хизанашвили о поранении Бербичашвили выстрелом лакея князя. Так я припоминаю теперь показание Хизанашвили, данное им приставу, и подробнее воспроизвести его не могу. Хизанашвили давал показание совершенно свободно без всякого понуждения с чьей либо стороны. В то время был арестован при управлении пристав и Филипп Модзманашвили, но я при опросе его приставом не присутствовал. При допросе Хизанашвили Модзманашвили не было. Более ничего добавить не имею.

Показание записывал собственноручно Гавриил Гарсеванов.

[ЦАУГ. ГИА; 1907 г. ф. ОВД, д. № 18, л.л. 137—138].

32. 1908. წ. 15 დეკემბერი. ტფილისის გუბერნიის უბრძოლვის მინისტრის ბრძანების საფუძველზე გარდაცემული პირების შესახებ.

1908 г. 15 декабря. Донесение Тифлисского уездного начальства Прокурору Тифлисского окружного суда

Младший помощник мой Иналишвили 14 сего декабря, ночью, получив сведения от своих тайных агентов, о том, что вблизи Кукийского соленого озера, недалеко от Ольгинского поселения, Тифлисского уезда, скрываются неизвестные вооруженные злоумышленники, немедленно в ту же ночь совместно с офицером стражи Тифлисского уезда, прапорщиком Натиевым и командой полицейских стражников Тифлисского резерва, выехали в означенную местность с целью задержания их. На разсвете, 14 сего декабря, не доезжая до ятагов скотовладельцев, Шакро Мартиурсова, Дарчо Мдиванова и других, находящихся вблизи Ольгинского поселения, заметили 3 неизвестных лиц, быстро удалявшихся по берегу озера к оврагам, команда стражников во главе помощника

Иналишвили и офицера стражи Натиева последовала за ними и в камышах, где старались скрыться неизвестные, успели задержать двух, один из которых оказался Сигнахским жителем Константином Марковым, похищенным 29 Октября сего года, из Нахаловки, 7-ю вооруженными злоумышленниками, а другой Вано Инашвиливым, обвиняемом в убийстве в прошлом году члена государственного совета кн. Ильи Чавчавадзе.

Опрошенные задержанные показали, что бывший с ним третий злоумышленник—русский—вооруженный берданкой скрылся тут же в оврагах; поэтому офицер стражи прапорщик Натиев вместе с 3 стражниками: Иваном Сагатовым, Осаном Муса-оглы и Гусейном Дадаевым кинулись на розыски, скрывшегося, которого окружили в овраге. Последний заметив команду, произвел в нее 3 безрезультатных выстрела, на что, стражники ответили тем же и затем задержали, он оказался Якимом Дорошенко, бежавшим в мае сего года; из Метехского замка, в числе 17 человек, обвиняемых в покушении в декабре прошлого года на ограблении почтового поезда на ст. Беюк-Кясик.

Об изложенном донося вашему прев., докладываю, что об этом сообщено следователю 2 участка, Тифлисского уезда. Подлинное за надлежащею подписью.

[ЦАУГ; ГИА; ф. ОВД. д. № 18, л. 180].

33. 1908 წ. 18 დეკემბერი. ტფილისის მაზრის უბრომის შიშართვა ტფილისის საოლქო სასამართლოს კრებულისადმი.

1908 г. 18 декабря. Отношение о происшествии Тифлисского уездного начальника к прокурору Тифлисского окружного суда

В ночь на 17-ое сего декабря, команда полицейских стражников, казаков хоперского полка с офицером стражи и начальвика сыскного отделения, во главе младшего помощника моего Иналишвили и под руководством его, выехали в сторону Гдани для обнаружения и задержания известного разбойника террориста—убийцы члена государственного совета кн. Чав-

чавадзе—жителя Душетского уезда Павла Пшавлишвили, бежавшего в прошлом мае месяце, в числе других, из Метехского замка.

По выезде из Тифлиса Иналишвили по имеющимся у него сведениям, взяв направление в сторону сел. Глдани, обыскав все зимовники и овраги, расположенные в окрестностях сел. Глдани, Мамкоды и Мшралхеви, направился обратно и вблизи селения Мамкоды команда разделилась на две части, одна—во главе начальника сыскного отделения и урядника Валишвили отправилась в сторону Норио для розысков, а другую—с казачьим офицером, оставив при себе направился к зимовникам кол. Александерсдорф.

Проехав некоторое расстояние, офицер с казаками отстал, а Иналишвили с офицером стражи Натиевым и командой стражников, проехав дальше, заметил двух неизвестных вооруженных злоумышленников, которые завидя их, укрылись в овраге и заняв сильную позицию, открыли стрельбу по команде, при чем несмотря на неоднократные предупреждения помощника моего Иналишвили сдаться, злоумышленники выругав его ответили: „что вы не на таких напали, чтобы замсдались“. Помощник Иналишвили видя, что злоумышленники выбрали самую безопасную позицию и доступ к ним представляет явную опасность для жизни чинов команды, тем не менее, за неимением другого исхода к задержанию их, бросился со стражниками в овраг и заняв позицию с противоположной стороны, произошла перестрелка, продолжавшаяся около часа, во время которой оба разбойника были убиты и оказались известным террористом Павлом Пшавлишвили—обвиняемом в убийстве члена государственного совета кн. Чавчавадзе и жителем селения Мухеты Вано Имерлишвили, при убитых найдены трехлинейная винтовка, ружье сист. „Маузер“, пистолет той же системы и масса боевых патронов к ним. К концу перестрелки успел под'ехать казачий офицер с казаками и совместно обыскав весь район, в предположении нет ли еще и других сотоварищей злоумышленников, но никого не оказалось.

Об изложенном доношу вашему прев-ву.

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г. д. № 18, „Об убийстве члена государственного совета кн. И. Г. Чавчавадзе“, л. 190].

34. 1909 წ. 27 იანვარი. პროკურორის ამხანაზ
კორკლიშვილის მიერ თედო ლაბაურის დაკით-
ვის მქმნი¹.

1909 г. 27 января. Протокол. Тифлисский Метехский замок-
Товарищ Прокурора Королев допрашивал нижеподписанно-
го арестанта и он показал:

Зовут меня Тедо Захарьев Лабоური, 38 лет, крестьянин
селения Сагурамо, Душетского уезда, осужден к смертной
казни по делу об убийстве кн. Ильи Чавчавадзе, неграмотен.

К делу об убийстве кн. Ильи Чавчавадзе я совершенно
неприкосновенен. Убийство кн. Чавчавадзе совершили крестья-
не с. Ахал-Сопели, Душетского уезда, Павел Георгиев
Пшавлишвили, крестьянин селения Ахатели, Душетского уез-
да, Гигло Бербичашвили, крестьянин с. Нориели, Тифлиско-
го уезда, Ладо Чирикашвили, и какой-то имеретин. Я ведь
покойного князя и всех этих лиц я хорошо опознал. Первых
двух—Пшавлишвили и Бербичашвили я знал хорошо и дав-
но, которых я и указал и на дознании и на следствии. Треть-
его Чирикашвили я не назвал по имени и фамилии, потому
что не знал этого. На дознании уездному начальнику я наз-
вал Гиголу Мозгвришвили и Вано Инашвили, но это непра-
вильно, так как меня заставил это сделать уездный началь-
ник Пагава. Какой был у Пагавы расчет впутать этих лю-
дей в дело, я не знаю. Об этом обстоятельстве я сказал и
следователю. Из названных мною лиц Пшавлишвили бежал
из тюрьмы, Бербичашвили и Чирикашвили еще не пойманы.
Мозгвришвили осужден за убийство к смертной казни. Над
Инашвили суда еще не было. Мозгвришвили и Инашвили стра-
дают совершенно невинно. Прошение я подал на имя следо-
вателя 3 отдела г. Тифлиса вследствие того, что мне так со-
ветовали. Более показать ничего не имею. Неграмотен. Пе-
реводил показание Е. Геркелов.

[ЦАУГ; ГИА; Ф. ОВД, 1907 года, л. № 18, л. 187].

¹ შეადარე ლაბაურის წინანდელი დაკითხვის ოქმებს, აქვე დოკუმენტი
№ 6 და 17.

35. 1909 წ. 17 აგვისტო. ამონაწერი კავკასიის სამხედრო-სამოღმოსოვლო სასამართლოს, დადგენილებისა, რომელიც გაამუშავა ივნის 1909 წ. 10 აგვისტოს თ. ლაბაურის, გ. ხიზანაშვილის და ვ. ინაშვილის შესახებ

1909 г. 17 августа. Выписка из приговора Кавказского военно-окружного суда, состоявшегося августа десятого дня 1909 г., по делу о крестьянах: Тедо (он же Федор) Лабаури, Георгий (он же Лома) Хизанашвили и Иване (он же Ваню) Инашвили.

Приговор вошел в законную силу семнадцатого августа дня 1909 г.

По имеющимся в деле письменным сведениям подсудимый Тедо (он же Федор) Захаров Лабаури—из крестьян сел. Сагурамо, Душетского уезда, родился 4 февраля 1876 года, под судом не был; подсудимый Георгий (он же Лома) Иванов Хизанашвили из крестьян сел. Цицамури, Душетского уезда, родился 4-го марта 1879 года, под судом не был; подсудимый Иван (он же Ваню) Соломонович Инашвили из крестьян сел. Арашенда, Душетского уезда, 46 лет, под судом не был.

Выслушав дело суд признал подсудимых крестьян Тедо Лабаури, Георгия Хизанашвили и Ивана Инашвили виновными в том, что по предварительному соглашению между собою и другими лицами, задумав заранее лишить жизни члена Государственного совета князя Илью Георгиевича Чавчавадзе, его супругу княгиню Ольгу Фадеевну Чавчавадзе и лакея их Якова Битарашвили, с целью воспользоваться бывшими при них деньгами и вещами, во исполнение задуманного, когда князь Чавчавадзе с означенными лицами возвращался из Тифлиса, в свое имение,—они 30 августа 1907 года, на проезжей дороге между селениями Сагурамо и Цицамури, Душетского уезда, Тифлисской губернии, состоящей на военном положении, выстрелами из ружей, заряженных пулями и дробью, лишили жизни князя Илью Чавчавадзе и его лакея Якова Битарашвили причинив им смертельные раны в грудь, а последнему и в голову вслед-

ствие каковых они тотчас же скончались, княгине же Ольге Чаячавадзе причинили каким то тупым орудием девять тяжких ран в голову после чего с корыстной целью, похитили у означенных Чавчавадзе часы, пенснэ, запонки, чемодан, саквояж, портмоне, медальон и друг. вещи, а у Якова Битарашвили серебрянные часы, пояс, револьвер, двухствольное ружье и сапоги, при чем для совершения задуманного Хизанашвили и Инашвили с другими злоумышленниками действовали скрываясь в засаде возле дороги в кустарниках.

А потому и на основании приведенных статей закона, а также 910, 915, 1128—1155 ст. XXIV кн. С В П. 1869 года изд. 3-е Суд постановил: 1) подсудимых крестьян Тедо (он же Федор) Лабаури, 33 лет, Георгия (он же Лома) Хизанашвили, 30 лет и Ивана (он же Ваню) Инашвили 46 лет, как признанных виновными в убийстве и покушении на убийство, из засады, с целью ограбления, по предварительному между собою и другими злоумышленниками соглашению, в местности, объявленной на военном положении, лишить всех прав состояния, с последствиями в 22, 23 и 24 ст. Улож. о Нак. Угол. и Исправ. указанными, и подвергнуть смертной казни через повешение; 2) по вступлении приговора в законную силу из вещественных по делу доказательств: а) двухствольное ружье и б) патронташ с 14 гильзами препроводить в канцелярию Вр. Генерал-Губернатора Тифлисской губернии и Закат. округа на зависящее распоряжение; в) пулю свинцовую, 2) семь дробинok или картечей в одной из гильз, д) дробь в бумаге и в другой гильзе и е) извлеченное из трупа лакея Битарашвили пулю и дробь—уничтожить; ж) предложенные военным прокурором, при предложении от 17 июля 1909 года № 11251, волосяной тюфяк в наволочек и тюк с вещами: 1) белые летние брюки, 4 рубашки, 1 жилет, 1 пиджак, 2 женских рубахи, наволочка, 2 носовых платка, тряпка; коробка для конвертов, 2 колоды игральных карт, 2 ложки столовые фразе, 2 ложки десертные (не серебрянные), 2 серебрянные чайные ложечки и 1 белого металла ложечка с вензелем Ю. У.; прибор для бритья из 4 предметов (бритва, мыльница, правило и кисточка),—как вещи, неизвестно кому принадлежащие, препроводить в Мцхетское Полицейское Уп-

равление и, по выяснении там вопроса о их принадлежности, возвратить их владельцам, в противном же случае продать и вырученные от этой продажи деньги отправить в Александровский комитет о раненных; 3) приложенные к делу фотографические карточки хранить при деле; 4) судебные по делу издержки, если таковые окажутся, взыскать из имущества осужденных Тедо Лабаури, Георгия Хизанашвили и Ивана Ипашвили по ровному, за круговой их друг за друга ответственностью, а при общей их несостоятельности, на основании 1155 ст. XXIV кн. С В П. 1869 года изд. 3-е, принять на счет казны и 5) настоящий приговор, по вступлении его в законную силу, но прежде обращения к исполнению, на основании 2 п. 1409 ст. той же XXIV кн., представить на усмотрение главнокомандующего войсками Кавказского военного округа.

Военный судья, полковник подпись.

Помощник секретаря подпись.

К о н ф и р м а ц и я: касационной жалобе, на основании 1401 ст. Воен. Суд. Устава, хода не давать. Настоящий приговор утверждаю и. д. Наместника и главнокомандующего Генерал от Инфантерии Ш а т и л о в. 17 августа 1909 года.

[ЦАУГ; ГИА; 1907 г., ф. 36, дело № 163 „об убийстве кн. Илья Чавчавадзе“ лл. 134—135].

ამავე საქმეში ფურც. 136 და 132 დართულია ოქმები საიდანაც ჩანს, რომ ზემოთხსენებული დადგენილება დანაშაულის სიკვდილით დასჯის შესახებ სისრულეში იქნა მოყვანილი 1909 წ. 21 აგვისტოს.

და მ ა თ ე ბ ა

იღია ჭავჭავაძის მოუკავ მოსე
მემაჩნიშვილის და უკანასკნელის
მეუღლის მკვლელობის შესახებ

1. 1907 წ. 7 ივნისი. ილია ჭავჭავაძის მოურავ მოსე მემარიშვილის და უკანასკნელის გეუღლის მკვლელობის ბარჯემო ღუშეთის ურიადნიკ ემე-
ცის მიერ წარმოებულ გამოძიების ოქმი.

1907 года июня 7 дня с. Головани. Я урядник полиц-
стражи Душетского уезда Емец находясь на посту при чем в
это время явились ко мне на пост м[естная] старшина Ладо
Лабаури сказал мне, что сейчас ему дали знать, что в име-
нии кн. Ильи Чавчавадзе неизвестными злоумышленниками
убит управляющий означенном ямении Мосе Оттович Мема-
нишвили и жена его Ева Григорьевна урожденная Мозгери-
швили. В виду такового заявления, я тотчас же пригласив
заявившего местного старшину Лабаури, и двух стражников
отправился в имение Чавчавадзе, причем по прибытии в име-
ние оказалось: Названный управляющий Мосе Мемаришвили
лежит в своем доме скончавшийся и имеет на голове при-
рубленную кинжальную рану, кроме того рана в живот и зад-
нем проходе, жена-же его Мемаришвили Ева лежит вместе с
мужем без чувствия, имеет кинжальную тяжелую рану на
голове, дыхание совершенно тяжелое. На вопрос не скажет
ли какого-либо сведения, она Ева не могла раскрыть глаз,
а также сказать какое-либо слово. Надежда на выздоровле-
ние, или получение какого-либо сведения о злоумышленниках
не определено.

При опросе оказалось, что в имении оставались одни
вышепоименованные потерпевшие и служанка ж. с. Гурами-
анткари София Рухиашвили; последняя при опросе об'яснила
что она никакого из злоумышленников не опознала, но услы-
шала лай собак побежавших в лес, в которое время она на-

ходила в кухне и в это время подошли два неизвестные злоумышленника наставив на ее кинжал не пускали ее на двор остальные же пойдя убили управляющего и жену его и скрылись.

Рабочие: Григорий Мозгвришвили, Симон Чихошвили и Тедо Лабаури были на сенокосе и ничего не заметили.

Пчеловод Даниил Гаврилович Маслов объяснил, что он после чаю около 8 ч. утра пойдя в свою пасинку и спустя малое время он услышал стук и крик жены управляющего Евы и тут же убежавши в сел. Гуралианткари послал чело- века дать знать м. старшине. Кто был злоумышленник Маслов не мог даже увидеть.

Постановил: вышеозначенное внести в настоящий протокол и представить таковой на распоряжение пристава Мцхетского уч. № 2205. Следователь Душетского участка—

Урядник Емец.

Настоящий протокол представляю на распоряжение Пристава Мцхетского участка. Июня 7 дня 1907 года. Урядник Емец.

[ЦАУГ; ИРА., 1907 г., ф. 36, арх. № 161, „Производство прокурора Тифлиссского окружного суда по наблюдению за делом о разб. напад. на Ильи Чавчавадзе“, лл. 15—16].

2. 1907 წ. 8 ივნისი. ილია ჭავჭავაძის მოუბრავის გავლელობის გარემოც ღუბეთის მაზრის უბრავს შემოღონების მიერ წარმოებულ გამოძიების ოქმი

1907 года июня 8 дня. Я и. д. Душетского уездного начальника капитан Шмерлинг, получив сведения об убийстве управляющего имениями кн. Ильи Чавчавадзе—Моисея Мемарнишвили и смертельном поранении жены его, выехал на место, в с. Сагурамо, для производства дознания, при чем объяснили:

1. Житель селения Кондратова, Белевского уезда, Тульской губернии, Даниил Гаврилович Маслов (пчеловод кн. Чавчавадзе): 8 ч. утра, 7 июня, я пошел на пчельник; когда проходил мимо квартиры управляющего все было тихо. Только я дошел к пчельнику, находящемуся в 30 саженьях от дома

управляющего, как услышал крик, шум и выстрел со стороны квартиры управляющего. Я испугался и так как мы все ожидали нападения, то я подбежал к дому Старосельского, где просил стражника Старосельского Георгия пойти на помощь управляющему. Старшины дома не было. Георгий пошел с Ваню Хевсуриани к дому Чавчавадзе и возвращаясь назад, сказал, что управляющий убит, а жена его поранена и лежит без чувств. Сейчас же было послано за урядником Емец. Шел я до дому Старосельского около $1\frac{1}{2}$ часа, так как я очень был напуган не мог скоро идти, а кроме того я хромым. Емец приехал приблизительно через $1\frac{1}{2}$. Я пошел к дому вместе с урядником. На месте оказалось, что управляющий убит, жена ранена, все шкафы, комоды открыты, все разбросано; видно было, что злоумышленники шарили во всех местах. Злоумышленники заходили и в дом кн. Чавчавадзе, где разбросано было много вещей, дверь выбита, ящики открывались. Недели две тому назад жена управляющего и поденщик Сандро Мозгвришвили увидели, что к сторожу имения Павле Пшавлишвили (Апциаури) из сел. Ахалсопели, около часу ночи приходили какие-то 2 человека. Днем перед этой ночи сторож Павле приехал к управляющему и спрашивал, не принесли ли ему деньги, угольщики, которые должны были принести деньги, но денег не принесли. Повидимому этих два неизвестных приходили справляться, есть ли у управляющего деньги, но узнав, что денег нет, ушли. Утром управляющий спросил сторожа, кто к нему приходили, он ответил, что эти были стражники Старосельского по поводу покоса. По проверке оказалось, что стражники не приходили. Дал об этом узнать уряднику Емцу. Тот приехал, произвел расследование, задержал Павле и отвел его в Мцхет, откуда он был послан в Душет, но по дороге бежал. Урядник заезжал к нам и предупреждал, чтобы мы были осторожны. Во время нападения никого кроме жит. с. Сагурамо Софии Рухиашвили и служащих в имении не было. Рабочие все были на покосе и дома никого не было“.

2. Жительница селения Сагурамо София Дмитриевна Рухиашвили: „7 июня, утром, я пекла хлеб на торне для управляющего и сидела около торни; ко мне ворвались в тор-

ню 2 человека с обнаженными кинжалами и схватили меня, я хотела кричать, но они угрожали смертью. Из-за забора около торни выбежало несколько человек, но сколько не могу сказать; из них 2-ое схватили меня, а остальные бросились в квартиру управляющего. Я так испугалась, что лишилась чувств и пришла в себя только лишь тогда, когда собрались жители с. Сагурамо. Никого не опознала, нападавшие были молодые. Один был одет в короткой куртке, а у другого был красный башлык на голове, а другого белый.

Приносили ли угольщики деньги, или нет не знает. Жена управляющего рассказывала ей, что ночью приходили какие то люди к Павле около две недели тому назад. Благодаря испугу и обмороку подробностей не помню. Слышала шум у управляющего и один выстрел, слышала также крик жены управляющего. Рабочих никого не было: Маслопа не было, он ушел на пчельник.

3. Житель сел. Сагурамо Сандро Иванов Мозгвришвили: „около две недели тому назад я спал вместе с Павле; около полуночи подошли какие-то два человека и крикнули „караульщик“, я подошел. Они, увидев меня, отошли; Павле пошел с ним и о чем-то с ними беседовал. Он говорил, что эти были стражники Старосельского, но это оказалось не правда. После Павле был задержан, но по дороге в Душет бежал. Знаю, что Павле спрашивал управляющего о деньгах. На другой день прихода двух неизвестных были принесены 80 рублей. В утро нападения я был дома, не работал.

4. Житель с. Саирме, Лечхумского уезда, Кутаисской губернии Гиго Давидов Алавидзе: „В воскресенье я дал управляющему Мемаминайшвили 50 рублей. До того управляющий присылал ко мне сторожа Павле за деньгами“.

Осмотром дома установлено, что в комнате управляющего сломан ящик письменного стола, шкаф, чемодан, разбросаны вещи, видимо шарили. Сломана дверь в доме кн. Чавчавадзе в нижнем этаже, в столовой сломан буфетный шкаф. Злоумышленниками забраны: серебряные часы с цепочкою, таковые же пояс, стакан, столовые и чайные ложки, а также берданка, и револьвер, сапоги и др. вещи.

Жена управляющего находится безсознательном состоянии, а потому не могла быть допрошена. Жизнь ее в опасности.

[ЦАУГ; ИРА., 1907 г., ф 36, арх. № 161, лл. 19—20].

ს ა რ ჩ ე ვ ი

წინასიტყვა	83-
ილია ჭავჭავაძის მკვლელობა	7
დოკუმენტები	11
	33

დ ა მ ა ტ ე ბ ა

ილია ჭავჭავაძის მოურავ მოსე მემარნიშვილის და უკანასკნელის მეულის მკვლელობის შესახებ	127
---	-----



მსატვარი—ნ. ჩერნიშოვი

პ./რედ-კტორი:—კ. ჭანტურიშვილი. ტექრედაქტორი:—ნ. კაკუშაძე

გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“-ს სტამბა

შტკ. №581. ტირაჟი 4000. მთავლიტი 3709